

соваго самосознанія, т.-е. идеологіи коллектива. Выходить такъ, какъ будто люди хотятъ содѣйствовать перестройкѣ общества не премѣнно съ верхняго этажа, а не хотятъ касаться ни фундамента, каковымъ являются производительныя силы, ни перваго этажа—экономическихъ отношеній, вообще—направляютъ свою работу не въ глубину социальнаго бытія, а на его поверхность. Наоборотъ, наша концепція сразу устраняетъ недоразумѣніе: развивать классовое самосознаніе—значить организовать классовую силу.

XV.

Вопросъ о культурныхъ принципахъ, которые предстоитъ пролетаріату внести въ жизнь общества, оказался, при ближайшемъ изслѣдованіи, тождественъ съ вопросомъ о принципахъ его организациі. Слѣдовательно, мы должны выяснить, какъ фактически онъ организованъ, и въ какую сторону направляется развитіе организационныхъ формъ его социальнаго бытія. При этомъ оказывается вотъ что.

Какъ участникъ системы производства, наемный рабочій связанъ съ другими ея участниками посредствомъ весьма различныхъ отношеній, которыя, однако, всѣ сводятся къ тремъ типамъ.

Во-первыхъ, на рынкѣ труда рабочій встрѣчается съ предпринимателемъ, какъ покупщикомъ его рабочей силы, и съ другими рабочими, какъ ея продавцами. Тутъ позиція рабочаго характеризуется формальной независимостью и равенствомъ какъ по отношенію къ его контръ-агенту капиталисту, такъ и по отношенію къ его конкурентамъ—другимъ рабочимъ. Каждый руководствуется только своими интересами, каждый свободенъ соглашаться на тѣ или иныя условія. Но независимые личные интересы сталкиваются, и социальная связь принимаетъ форму борьбы рабочаго изъ-за оплаты рабочей силы съ ея покупателемъ, изъ-за возможности продать ее—съ другими продавцами. Въ этихъ рамкахъ позиція рабочаго среди общества представляется чисто индивидуалистической: какъ обособленная личность, онъ

противостоятъ другимъ подобнымъ личностямъ, и враждебно сталкиваются съ ними. Стихійныя силы рынка опредѣляютъ исходъ борьбы—удастся ему, или нѣтъ, отстоять свои интересы противъ чужихъ.

Во-вторыхъ, внутри предпріятія рабочій становится къ самому предпринимателю и его наемнымъ служащимъ-организаторамъ въ отношеніе подчиненнаго исполнителя ихъ указаній и приказаній. Здѣсь, разумѣется, о равенствѣ не можетъ быть и рѣчи, о формальной независимости—тоже. Связь авторитарна по существу, дуалистична—по формѣ, такъ какъ имѣетъ два полюса, приказаніе—исполненіе.

Въ-третьихъ, съ другими рабочими предпріятія, занимающими такое же, какъ онъ, положеніе въ производствѣ, нашего рабочаго связываетъ общность ихъ дѣла при не только уже формальномъ, но и матеріальномъ равенствѣ условій труда, и при вытекающей отсюда общности интересовъ. Это отношенія товарищескія. Въ нихъ нѣтъ ни антагонизма, ни подчиненія. Они являются тѣмъ болѣе законченными, чѣмъ менѣе соединены съ технической спеціализаціей; ибо при ней содержаніе работы различно, и порождаетъ обособленность между работниками, ослабляетъ общность ихъ дѣла и интересовъ. Но спеціализація тутъ есть не что иное, какъ примѣсъ индивидуалистическаго элемента къ товарищески-трудовымъ отношеніямъ. Она всего болѣе устраняется прогрессомъ машиннаго производства. Чѣмъ дальше развивается его техника, тѣмъ болѣе спеціализація переносится на самыя машины, а характеръ и содержаніе дѣятельности работниковъ, имѣющихъ дѣло съ различными машинами, становится все болѣе сходнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, товарищескій типъ трудовыхъ отношеній выступаетъ во все болѣе чистомъ видѣ.

Спрашивается, должны ли эти три принципа организаціи всѣ вмѣстѣ оказаться также и культурными принципами пролетаріата, а стало быть и опредѣлить собою культурныя задачи эпохи? Или это должно быть иначе?

XVI.

Индивидуалистическія отношенія типичны вообще для мѣн-
вой соціальной системы. Въ ихъ рамкахъ пролетарій—продавецъ
рабочей силы—не отличается отъ всякаго другого продавца—по-
купателя. Но въ его жизни они играютъ гораздо менѣ значи-
тельную роль, чѣмъ въ жизни мелкаго товаропроизводителя, а
особенно—капиталиста. Буржуазные классы несравненно болѣе
заняты борьбою рынка, ихъ интересы несравненно болѣе сосре-
доточены на конкуренціи. Именно для нихъ, поэтому, индиви-
дуализмъ являлся основнымъ принципомъ организаціи,—они дол-
жны были и создать индивидуалистическую культуру. Они уже
выполняли эту миссію.

Врядъ ли кто-нибудь станетъ спорить противъ того, что вся
современная буржуазная культура проникнута духомъ индивиду-
ализма: это стало общимъ мѣстомъ. Ея мораль и право построе-
ны на частной собственности и личной отвѣтственности; въ ея
познаніи субъектомъ признается индивидуумъ, какъ это видно на
всякой буржуазной философіи, будетъ она матеріалистическая или
идеалистическая; буржуазное искусство своимъ центромъ имѣетъ
судьбы и переживанія отдѣльной личности. Такимъ образомъ, оче-
видно, что принципъ индивидуализма не можетъ быть специфи-
ческимъ для культурнаго творчества рабочаго класса: если бы это
было такъ, то культурная задача эпохи гораздо лучше выполня-
лась бы руками буржуазіи, да и вообще никакой принципиально-
новой, классовой задачи не существовало бы.

Еще важнѣе то обстоятельство, что въ соціальной жизни ра-
бочаго класса индивидуалистическія отношенія не усиливаются,
не развиваются, а постепенно слабѣютъ и отмираютъ. Въ самомъ
дѣлѣ, если первоначально пролетарій противостоитъ капиталисту
на рынкѣ труда индивидуально, какъ отдѣльный и независимый
продавецъ рабочей силы, то затѣмъ это измѣняется: товарище-
скія связи проникаютъ и въ эту область, индивидуальный дого-
воръ найма уступаетъ мѣсто коллективному, капиталистъ выну-
жденъ имѣть дѣло съ профессиональнымъ рабочимъ союзомъ. Про-
дажа—покупка рабочей силы, съ устраненіемъ конкуренціи ме-
жду рабочими, превращается въ борьбу классового пролетарскаго

коллектива противъ буржуазнаго контръ-коллектива¹⁾. Только штрейкбрехерство и „желтые“ союзы остаются напоминаніемъ объ индивидуалистической „свободѣ труда“ на рабочемъ рынкѣ.

Ясно, что если процессъ развитія стремится уничтожить индивидуалистическіе элементы пролетарской жизни, то культурно-классовая задача пролетаріата не только не можетъ сводиться къ дальнѣйшей выработкѣ индивидуалистическихъ формъ, но наоборотъ, должна заключать въ себѣ тенденцію къ ихъ разрушенію, къ ихъ отмѣнѣ и замѣщенію какимъ-то инымъ типомъ.

Это, однако, не означаетъ, чтобы элементы индивидуализма были уже теперь слабы и ничтожны въ системѣ пролетарскаго движенія. Они еще очень сильны какъ на его правомъ флангѣ—трэдъ-юніонистскомъ и оппортунистическомъ, такъ и на лѣвомъ—анархо-синдикалистскомъ. Въ трэдъ-юніонизмѣ, опорю котораго являются представители наиболѣе квалифицированнаго труда, сказывается вліяніе сохраняющейся тамъ до сихъ поръ спеціализаціи: она всегда поддерживаетъ, какъ мы указывали, дробность интересовъ и психическое обособленіе личностей; въ оппортунизмѣ—вліяніе примыкающей къ рабочему классу справа полубуржуазной интеллигенціи, пропитывающей своимъ настроеніемъ наиболѣе близкіе къ ней его слои. Анархизмъ и отчасти синдикализмъ соотвѣтствуютъ тѣмъ болѣе раннимъ фазамъ движенія, на которыхъ еще сильны слѣды происхожденія рабочаго класса изъ разоренной давленіемъ капитала мелкой буржуазіи, ремесленной, крестьянской и торговой: этимъ объясняется и тотъ, въ значительной мѣрѣ, лишь внѣшній, революціонаризмъ, который отличаетъ „лѣвое крыло“ западно-европейскаго рабочаго движенія: это результатъ мучительнаго соціальнаго крушенія, печать котораго еще не изгладилась въ новой борьбѣ, уже не безнадежной, какъ прежняя, а напротивъ, полной свѣтлыхъ обѣщаній.

¹⁾ Буржуазный контръ-коллективъ въ этой борьбѣ также развиваетъ новыя формы сплоченія—синдикаты, тресты и т. под.,—но не достигаетъ внутренней организованности настоящаго коллектива, каковъ пролетарскій,—основанной на товарищескомъ сотрудничествѣ. Въ синдикатахъ и трестахъ буржуазіи личные интересы остаются преобладающимъ экономическимъ содержаніемъ, только и з в и ѣ ограниченные общей опасностью и дисциплиной.

Но конечно, не въ этихъ промежуткахъ и не въ различныхъ смѣшанныхъ тенденціяхъ пограничныхъ частей пролетарскаго коллектива лежатъ основы его собственного творчества—культурные принципы, которымъ принадлежитъ будущее.

XVII.

Авторитарныя отношенія до сихъ поръ занимають не меньшее мѣсто въ социально-трудоустройствѣ рабочаго, чѣмъ индивидуалистическія: продажа рабочей силы реализуется въ подчиненіи покупателю и лицамъ, его замѣщающимъ. Не должно ли новое творчество отразить и выразить эту сторону классового бытія, какъ первичную и опредѣляющую? Не здѣсь ли новый принципъ культуры.

Въ дѣйствительности онъ, однако, не новый, а очень и очень старый. Цѣлый періодъ жизни человѣчества, простиравшійся на много тысячелѣтій, былъ ознаменованъ рѣшительнымъ, подавляющимъ господствомъ авторитарнаго типа организаціи, а съ нимъ и авторитарной культуры: патріархально-родовой бытъ и феодализмъ.

Міровоззрѣнія тѣхъ временъ, хотя и весьма разнообразныя у различныхъ народовъ и на разныхъ ступеняхъ развитія, были постоянно и всецѣло религіозныя. Вселенная представлялась по схемѣ патріархальной общины или феодальнаго царства: властные божества, родовыя, племенные, національныя, стихійныя, управляли жизнью, подчиняя и контролируя всѣ явленія своей хозяйскою волей. Отъ нихъ исходилъ всякій успѣхъ и всякая неудача, всякое знаніе, всякій обычай, всякое право. Зародыши науки скрывались въ религіозной оболочкѣ, и были тайною организаторскаго сословія—жрецовъ; искусство служило религіи, проникнутое той же идеей авторитета, которую воплощало въ пластическихъ образахъ боговъ, въ ихъ царственныхъ дворцахъ—храмахъ, въ сказаніяхъ о божествахъ и герояхъ, въ посвященной имъ музыкѣ и танцахъ. Въ тѣ времена человѣкъ до такой степени былъ неспособенъ даже свои собственные дѣйствія пони-

мать иначе, какъ исполненіе какой-нибудь властной воли,—что создалъ мнѣ о душѣ, властительницѣ тѣла; и мнѣ этотъ, поддерживаясь остатками авторитарныхъ отношеній, до сихъ поръ тяготеетъ надъ психологіей, социальными науками, философіей, въ видѣ различныхъ дуалистическихъ идей. Но теперь все это—только пережитки въ эклектично-пестрой культурѣ настоящаго. Тогда же авторитарная культура обладала настолько высокой цѣльностью, о какой мы, дѣти эпохи сплетающихся и сталкивающихся тенденцій, можемъ пока еще развѣ лишь мечтать.

Итакъ, слѣдуетъ ли принять, что рабочій классъ, поскольку онъ вынужденъ жить въ атмосферѣ авторитарнаго подчиненія, долженъ, приспособляясь къ нему, вырабатывать самъ культурныя формы соотвѣтственнаго типа? Что атмосфера эта оказываетъ культурное вліяніе, по крайней мѣрѣ отчасти, на рабочія массы, о томъ свидѣлствуютъ и клерикальные рабочіе союзы, и сохраненіе помимо нихъ религіозности среди рабочихъ даже наиболѣе передовыхъ странъ. Но и религіозность, и клерикальная организація—это такія формы, которыя пролетаріатъ находилъ болѣе или менѣе готовыми въ окружающей его социальной средѣ. Вопросъ заключается въ томъ, таково ли направленіе самостоятельнаго творчества, вытекающаго изъ условій развитія рабочаго класса.

Внутри рабочаго класса авторитарныя отношенія быстро падаютъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ еще въ цѣломъ рядѣ производствъ играли значительную роль группировки, подобныя ремесленно-цеховымъ: рабочіе полноправные—мастера—отъ себя нанимали помощниковъ, въ родѣ прежнихъ подмастерій и учениковъ, которые и должны были имъ подчиняться. Теперь это почти исчезло, передъ договоромъ найма всѣ рабочіе принципиально равны. Семья долѣе всего сохраняетъ авторитарное строеніе—власть мужа надъ женой и родителей надъ дѣтьми. Но капиталъ подрываетъ ту экономическую зависимость, на которой основана эта власть. Эксплуатація женскаго и дѣтскаго труда даетъ экономическую опору болѣе слабымъ членамъ семьи, дѣлаетъ ихъ изъ рабовъ—товарищами мужа и отца. Здѣсь патріархальный институтъ семьи подкапывается въ корнѣ.

Но подчиненіе рабочаго предпринимателю и его агентамъ остается? Да, конечно. Тѣмъ не менѣе, и въ немъ происходитъ

глубокій переворотъ, и оно становится совершенно инымъ, чѣмъ старыя авторитарныя отношенія. Вторгается классовая борьба, и то, что было раньше живой, органической связью двухъ соціальныхъ элементовъ, взаимно необходимыхъ и взаимно дополняющихъ другъ друга, она дѣлаетъ ихъ жизненнымъ противорѣчьемъ, которое обостряется въ ходѣ развитія. Во всякой истинно-авторитарной системѣ, начиная отъ патріархальной общины и кончая азиатской деспотіей, между полюсами соціального дуализма — властью и подчиненіемъ — существуетъ принципиальная гармонія. Если подчиненный, допустимъ, страдаетъ отъ своего властителя, то онъ можетъ только желать себѣ на его мѣсто иного властителя; и если даже станетъ противъ него бороться, то для того, чтобы захватить себѣ его власть, но не болѣе: противъ самой власти, противъ этого типа организаціи онъ бороться не можетъ, ибо въ немъ всецѣло живетъ и въ его только формахъ мыслить. Иначе обстоитъ дѣло съ пролетаріемъ.

Наемный рабочій окруженъ самыми разнообразными отношеніями; его практика и мышленіе не скованы, не ограничены авторитарной связью. Страдая отъ своего подчиненія или, экономически выражаясь, эксплуатаціи, онъ ищетъ опоры въ иныхъ связяхъ. Возникаетъ классовое объединеніе, и борьба ведется не за перемѣну властителя, не за то, чтобы самимъ лично стать властителями, — а за ограниченіе власти, за измѣненіе самаго способа организаціи. Ограниченіе авторитарнаго принципа — это начало его отміны. Такова тенденція классовой борьбы пролетаріата: она направлена противъ авторитарности, къ ея вытѣсненію иными общественными связями.

Мы знаемъ, что сущность культуры — ея организующая функція, оформленіе и закрѣпленіе опредѣленной соціальной организаціи. Передъ нами такой ея типъ, который во внутреннихъ отношеніяхъ рабочаго класса отмираетъ, а извнѣ продолжаетъ тяготѣть надъ нимъ, вызывая съ его стороны борьбу противъ себя. Ясно, что принципомъ культурнаго творчества для рабочаго класса этотъ типъ организаціи стать не можетъ. Задачи пролетаріата въ этой области настолько же анти-авторитарны, насколько враждебны индивидуализму.

XVIII.

Изъ трехъ основныхъ типовъ соціальной связи, свойственныхъ трудовой жизни пролетаріата, два оказались принципиально неспособными опредѣлить собою его культурныя задачи. Остается лишь третій—связь товарищеская, или коллективистическая. Эта послѣдняя играетъ иную, особенную роль въ пролетарской практикѣ.

Мы видѣли, что это-преобладающая форма отношеній между рабочими въ самомъ производствѣ, и что она, по мѣрѣ развитія научной техники, приобретаетъ все болѣе чистый, болѣе законченный характеръ, освобождаясь отъ вліянія спеціализаціи. Въ то же время ея поле расширяется по двумъ направленіямъ. Во-первыхъ, общность интересовъ создаетъ классовое объединеніе рабочихъ въ соціальной борьбѣ,—объединеніе, далеко выходящее изъ рамокъ не только отдѣльныхъ предпріятій, но и отраслей производства, и даже національныхъ обществъ—интернаціональная классовая связь экономическихъ и политическихъ организацій. Ихъ устройство, съ самаго начала въ общемъ демократическое, то есть основанное на товарищескомъ началѣ, въ дальнѣйшемъ, какъ показываетъ наблюденіе, продолжаетъ развиваться въ ту же сторону, при чемъ все полнѣе устраняются еще существовавшіе тамъ пережитки индивидуализма и авторитарности ¹⁾. Во-вторыхъ, и пролетарская семья, первоначально не отличающаяся отъ мѣщанской, изъ которой произошла, шагъ за шагомъ, какъ мы указывали, реформируется въ духъ товарищескихъ отношеній—важный положительный результатъ такого мрачнаго явленія, какъ эксплуатація капиталомъ женскаго и дѣтскаго труда.

¹⁾ Такъ, положеніе должностныхъ лицъ въ рабочихъ союзахъ и партіяхъ, вначалѣ значительно еще окрашенное авторитарнымъ оттѣнкомъ, затѣмъ постепенно теряетъ его, благодаря строгой выборности, опредѣленности срока службы и постоянному контролю „низовъ“ коллектива. Въ товарищеской дисциплинѣ неизбежно должно съ теченіемъ времени растворяться индивидуальное честолюбіе. До сихъ поръ, однако, сохраняется во многихъ рабочихъ организаціяхъ институтъ „лидерства“, т. е. не формального, а фактическаго подчиненія многихъ отдѣльнымъ авторитетамъ—институтъ, совершенно необходимый для буржуазныхъ организацій при анархичномъ индивидуализмѣ ихъ членовъ, но безусловно вредный для рабочаго класса на нынѣшней ступени его развитія. Но и этотъ институтъ въ рабочей средѣ уже склоняется къ упадку.

Но товарищеская связь не только расширяется, а также углубляется социальными силами развития. Возрастает количество того жизненного содержания, которое является общим для членов коллектива. В таком направлении действует и прогресс техники, и классовая борьба. Усовершенствованные способы производства требуют от работников гораздо меньше специализированной ручной ловкости, чем во времена мануфактуры, и даже чем на ранних стадиях машинной техники, но они требуют от него все больше общей интеллигентности. Ему необходима не простая какая-нибудь грамотность, а сознательное и толковое отношение к различным механическим аппаратам, с которыми ему приходится иметь дело, понимание сущности их устройства и способа их работы, условий, которые могут нарушить их функцию, опасностей, связанных с этими нарушениями, и т. под. Его психика должна быть гибкой и эластичной, чтобы легко справляться и с новыми усовершенствованиями в привычных уже машинах, и с переходом к другим машинам—явлениями столь обычными при стремительном движении научной техники с одной стороны, при частых колебаниях рабочего рынка, вынуждающих искать нового заработка—с другой. Все вместе обуславливает некоторый общеобязательный для рабочих интеллектуальный уровень, ниже которого начинается социальное безсилие, нежизнеспособность, хроническое пребывание в безработной армии. Этот общий уровень повышается с техническим прогрессом, с усложнением научных методов производства¹⁾. Он поддерживается и упрочивается постоянным общением рабочих масс, объединяемых властью капитала в нынешних грандиозных предприятиях; и будучи, притом, основан на одном и том же коллективно-трудовом опыте, он увеличивает взаимное понимание работников, углубляя их товарищескую связь возрастающей суммой коллективных переживаний.

1) Этот уровень имеет огромное влияние на успехи разных капиталистических стран в их конкуренции: побуждают те страны, где он оказывается выше. Даже некоторые буржуазные экономисты признают, что экономическими побдами на мировом рынке Германия в значительной мере обязана своему передовому, сознательному социально-демократическому пролетариату.

Классовая борьба усиливает со своей стороны эту тенденцію. Защита общих интересов порождает еще новое, и богатое коллективно-классовое содержание опыта. Общие стремления и требованія, усилія и попытки, побѣды и пораженія—массовыя радости и печали, все это, переживаемое совместно, превращается въ прочный цементъ единенія, въ надежную спайку товарищеской солидарности.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что именно товарищеское сотрудничество является для рабочаго класса его специфической формою организаціи. Никакой другой классъ не развивалъ ее въ такихъ, какъ онъ, или сколько-нибудь близкихъ размѣрахъ; никакой другой классъ не проникался ею такъ полно, какъ онъ, въ силу основныхъ условій своего существованія; только среди пролетаріата она непрерывно и неуклонно развивается и поглощаетъ инныя формы соціальной связи.

XIX.

Тотъ уровень интеллигентности, котораго требуетъ отъ рабочихъ техническая необходимость, какъ мы видѣли, отнюдь не сводится къ простой грамотѣ, но также не ограничивается узкоспециализированнымъ знаніемъ какой-либо частной области трудового опыта, а заключаетъ въ себѣ извѣстную сумму элементовъ общаго знакомства съ условіями современной техники, общаго ея пониманія. Оно пріобрѣтается обыкновенно не въ томъ или иномъ учебномъ заведеніи, а въ самой производственной практикѣ и въ живомъ общеніи съ товарищами по работѣ; но именно потому въ большинствѣ случаевъ имѣетъ неоформленный и незаконченный характеръ, страдаетъ пробѣлами и недостаткомъ систематизаціи.

Борьба экономическая и политическая въ свою очередь порождаетъ потребность въ пониманіи соціальныхъ условій; и опять-таки, это не есть потребность въ специализированномъ ихъ знаніи, которое бы охватывало какую-нибудь отдѣльную ихъ область; такое знаніе было бы недостаточнымъ, потому что борьба чрезвычайно сложна, многостороння, и ходъ ея зависитъ не отъ частной группы условій жизни класса и общества, а отъ всей ихъ

совокупности, опредѣляющей собою переменныя соотношенія силъ. Здѣсь также до сихъ поръ, несмотря на развитіе социально-образовательной дѣятельности рабочихъ организацій, фактически преобладаетъ почти повсюду тотъ же неоформленный способъ просвѣщенія: сама практика борьбы, товарищескія бесѣды, болѣе или менѣе случайное чтеніе книгъ и газетъ, да еще—зачастую не менѣе случайныя рѣчи агитаторовъ разныхъ партій во время выборовъ, стачекъ и т. под.

Итакъ, обобщенныя техническія, и дальнѣйшее ихъ обобщеніе—естественно-научныя знанія, а рядомъ съ этимъ—соціально-научное образованіе, то и другое въ непрерывно повышающемся масштабѣ,—вотъ требованія, которыя предъявляетъ къ рабочимъ ихъ коллективная практика для успѣшнаго выполненія какъ ихъ непосредственно-трудовой функціи, такъ и ихъ общественно-исторической миссіи. Отсюда легко выводится первая культурно-историческая задача рабочаго класса и нашей эпохи, задача, которую мы, за неимѣніемъ лучшаго термина, обозначимъ пока словами: демократизація научнаго знанія.

Это далеко не та демократизація, о которой мечтаютъ наши буржуазные и наши интеллигентскіе культуртрегеры, съ ихъ возвышеннымъ идеаломъ всеобщаго обученія грамотѣ и широкаго распространенія невинныхъ популярныхъ книжекъ и невинныхъ популярныхъ лекцій. Безспорно, грамота необходима рабочему, какъ орудіе общенія и обученія, а невинная популяризація приноситъ ему также свою пользу,—но это задачи отнюдь не характерныя ни для даннаго класса, ни для нашей эпохи. Онѣ выдвигались уже самымъ фактомъ перехода феодальнаго общества въ буржуазное, и первымъ носителемъ ихъ выступаетъ буржуазія, крупная, а особенно мелкая, съ ея интеллигенціей. Всеобъемлющая хозяйственная роль обмѣна, съ его денежными знаками, съ его счетными и кредитными документами, дѣлаетъ грамотность элементарно-необходимымъ условіемъ для личности въ ея борьбѣ среди общества за свое существованіе; ни для кого не тайна, какую огромную помощь въ дѣлѣ разоренія деревни оказываетъ кулакамъ, прижимистымъ помѣщикамъ, мелкимъ властямъ и прочимъ представителямъ разныхъ способовъ накопленія безграмотность крестьянской массы.

Что же касается азбучной популяризаціи различныхъ спе-

ціальнихъ знаній, то и этотъ идеалъ диктуется съ одной стороны возрастающимъ ихъ значеніемъ для судьбы индивидуальныхъ хозяйственныхъ ячеекъ (возьмите, напр., отношеніе гігіены къ условіямъ жизни горожанина, или юридическихъ знаній—къ судьбѣ ограбляемаго всѣми крестьянина), съ другой стороны—потребностью въ свободной спеціализаціи: начально-популярное ознакомленіе съ различными отраслями знаній есть путь выбора специальности и необходимый шагъ къ тому, чтобы овладѣть ею. Вотъ почему находившіяся въ благопріятныхъ условіяхъ мелкобуржуазныя страны, какъ Швейцарія, Норвегія, отчасти Финляндія и Данія, могли стать такимъ раемъ начального обученія и мелкой популяризаціи. Но для рабочаго класса все это далеко недостаточно, потому что его задачи сложнѣе и шире.

Существующія до сихъ поръ популяризаціи знаній постоянно лишь частичны: сама система знаній еще слишкомъ раздроблена силою царившей до сихъ поръ спеціализаціи. Отсюда вытекаетъ также значительная отвлеченность обычныхъ методовъ популярнаго изложенія: тотъ живой опытъ, который она объединяетъ, берется каждый разъ изъ ограниченной сферы, разсматриваемой изолированно, внѣ связи съ общей системой человѣческаго труда. Эта основная абстрактность остается, какъ бы ни были ярки и конкретны примѣняемые иллюстраціи; различныя части общественнаго сознанія, каковы, напр., отдѣльныя науки, принимаются, какъ нѣчто самодовлѣющее, само по себѣ истинное и цѣнное. Тутъ нѣтъ вины популяризаторовъ,—такова сама наука, которой они служатъ. Можно встрѣтить человѣка, всю жизнь занимающагося математикой или астрономіей, но совершенно не представляющаго себѣ ни той гигантской трудовой основы, на которой онѣ возникли, ни той грандіозной организующей роли, которую онѣ выполняютъ въ коллективной борьбѣ человѣчества за власть надъ природою. Въ популярныхъ изложеніяхъ эта разорванность знанія еще сильнѣе, потому что меньше матеріалъ фактовъ, который они могутъ дать, уже базисъ, на который каждое изъ нихъ опираются, и меньше пунктовъ объективнаго соприкосновенія съ другими областями знанія и практики. Слѣдовательно, на этомъ пути рабочимъ нельзя получить того объединяющаго научнаго выясненія, которое давало бы имъ общее пониманіе смысла и связи какъ различныхъ техническихъ методовъ,

примѣняемыхъ въ производствѣ ихъ собственными руками, такъ и различныхъ соціальныхъ соотношеній, экономическихъ и идейныхъ, имѣющихъ значеніе для ихъ организаціонно-классовой дѣятельности и судьбы.

Если же рабочій будетъ стремиться самъ собрать во-едино разрозненные клочки цѣлаго, которые онъ найдетъ въ нынѣшнихъ популяризаціяхъ, то огромность этой работы окажется въ рѣзкомъ противорѣчій съ ограниченностью его свободного времени. Ему приходится тогда изучить очень большое число популярныхъ сочиненій по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, да еще при этомъ изученіи собственными единоличными усиліями уловить и для себя формулировать ихъ связь. Возьмите нынѣшніе каталоги для самообразованія рабочихъ, даже наиболѣе умѣло составленные, и подсчитайте, сколько надо потратить времени, чтобы внимательно и серьезно перечитать то, что въ нихъ указано. Вы увидите, что развѣ лишь при исключительно благоприятныхъ условіяхъ рабочему удастся одолѣть этотъ матеріалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, напр., при хорошихъ заработкахъ, время отъ времени прерываемыхъ стачками и безработицей—этимъ своеобразными вакаціями труда въ капиталистической системѣ. А затѣмъ—самостоятельное возсозданіе цѣлаго изъ обрывковъ, хотя бы и при большомъ досугѣ, требуетъ, очевидно, весьма необычныхъ способностей.

Такимъ образомъ, задача пролетарской демократизаціи знанія отнюдь не равносильна хорошему популярному изложенію существующаго запаса научныхъ данныхъ такимъ, каковъ онъ есть—съ его дробленіемъ по спеціальностямъ. Дѣло идетъ о томъ, что бы иначе и заново систематизировать то, что, имѣется въ самыхъ различныхъ областяхъ накопленнаго научнаго опыта, и преодолѣть не только цеховую непонятность языка спеціальныхъ отраслей, но и самую ихъ спеціализацію, поскольку она обуславливаетъ собою разорванность системы знаній, ограниченность точкѣ зрѣнія познающаго.

Мы пришли къ идеѣ новой энциклопедіи.

XX.

Во второй половинѣ XVIII вѣка прогрессивная буржуазія готовила свою великую революцію, энергично собирая и организуя свои силы. Она ложно понимала значеніе идей въ жизни, но правильно чувствовала ихъ могущество въ дѣлѣ организации. Вотъ почему передовая группа буржуазныхъ идеологовъ создала тогда знаменитую „Энциклопедію“. Это была библия новаго міровоззрѣнія, настолько цѣлостная, насколько допускало его содержаніе, неизбѣжно въ значительной мѣрѣ дробное по самой природѣ буржуазнаго опыта и мышленія. Огромное, дорогое изданіе сразу получило невиданный по тому времени успѣхъ, и разошлось во многихъ тысячахъ экземпляровъ, какъ не расходились занимательные романы. Отнынѣ освободительное движеніе получало твердую идейную опору: человѣкъ, прочитавшій и понявшій „Энциклопедію“, могъ увѣренно сказать, что онъ знаетъ свое мѣсто въ природѣ и обществѣ, знаетъ, откуда идетъ и куда, что надо человѣчеству и каждой разумной, активной личности. Насъ бы, конечно, не удовлетворили усвоенные имъ отвѣты,—но вѣдь каждая эпоха имѣетъ свою истину. „Энциклопедія“ была кристаллизованной истиной того времени.

Теперь идея „Энциклопедіи“ опять носится въ воздухѣ. Буржуазія, конечно, она не нужна: для нея все это уже въ прошломъ, идеалы и великія усилія, просвѣтительная работа и сплоченіе подъ высоко поднятымъ знаменемъ науки. Но уже дѣлаетъ попытки созданія своей энциклопедіи другой общественный слой, тѣ интеллигентскія группы, которыя расположены въ промежутокѣ между буржуазіей и рабочимъ классомъ, и среди которыхъ наиболѣе важная—техническій персоналъ служащихъ въ промышленныхъ и научныхъ предпріятіяхъ. Это общественный слой, какъ намъ извѣстно, экономически несамостоятельный, который одной своей стороною тяготеетъ къ господствующимъ классамъ, другою—къ пролетаріату, продолжая еще сохранять многія черты мелкой буржуазіи, изъ которой онъ произошелъ. Но пока онъ все-же далекъ отъ окончательнаго разложенія, и среди борьбы двухъ великихъ классовъ, когда между ними временно устанавливается приблизительное равновѣсіе силъ, пріобрѣтаетъ нерѣдко значительное вліяніе на ходъ общественной жизни. На этой основѣ

развивается чрезмѣрно-высокая оцѣнка своей соціальной роли, а особенно — иллюзія надъ-классовой самостоятельности и руководящаго положенія въ культурной работѣ. Стремленіе дать всему обществу истинную, общеобязательную культуру порождаетъ и тѣ „Энциклопедическія“ попытки, о которыхъ идетъ дѣло. Сюда относятся различныя „научно-философскія бібліотеки“, издательскія предпріятія, типомъ которыхъ можетъ служить очень извѣстная и весьма содержательная французская „бібліотека“ подъ редакціей Гюстава Ле-Бона.

Но легко догадаться, что соотвѣтственно различію историческаго значенія тѣхъ соціальныхъ силъ, которыя скрываются за двумя культурными явленіями, новѣйшія интеллигентскія „энциклопедіи“ не могутъ итти ни въ какое сравненіе съ „Энциклопедіей“ нарождавшагося буржуазнаго общества. Въ нихъ нѣтъ того могучаго духа борьбы, того единства боевого просвѣтительнаго настроенія, которое проникало великую работу XVIII вѣка во всемъ ея разнообразномъ содержаніи. Нечего и говорить, что для пролетарія онѣ не могутъ служить замѣною той новой „Энциклопедіи“, которая ему необходима. Въ нихъ все еще глубоко сказывается вліяніе цеховой интеллигентской спеціализаціи, — онѣ сравнительно огромны по объему, разрозненны по содержанію, и даже въ большей части случаевъ недостаточно популярны по формѣ. Въ нихъ нѣтъ и единства точки зрѣнія: таковъ индивидуализмъ интеллигента, что онъ непремѣнно долженъ проявить оригинальность мысли, и обязательно въ видѣ коренныхъ несогласій со своими сотрудниками; нѣтъ стремленія столкнуться и, объединивши свой опытъ, прійти къ общей позиціи. Въ нихъ не только не хватаетъ коллективизма по ихъ внутреннему содержанію, но и по самому способу работы: это — гораздо больше собранныя вмѣстѣ индивидуальныя произведенія, чѣмъ произведенія коллективныя.

По своему богатому научному матеріалу и по множеству удачныхъ обобщеній частнаго характера они могутъ, однако, сыграть полезную подготовительную роль для выработки Новой Энциклопедіи, особенно въ той ея части, которая будетъ посвящена технику и естествознанію.

XXI

Итакъ, въ Новой Энциклопедіи должна быть устранена коренная абстрактность стараго познанія: его разорванность и оторванность отъ широкой практики человѣческаго коллектива. Теперь наука и философія должны быть представлены въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ станутъ дѣйствительно понятны трудящемуся человѣчеству: какъ созданныя въ историческомъ сотрудничествѣ поколѣній орудія организациі коллективной дѣятельности людей. Подобно тому какъ нельзя вполне понять живое существо внѣ его связи съ предками и его естественной обстановки, такъ нельзя вполне овладѣть идеей, научной или философской, внѣ ея происхожденія изъ соціального опыта и внѣ ея практически-организующей функціи. Вы можете встрѣтить ученаго математика, глубоко сжившагося со своей спеціальностью, и воспринимающаго ея символы какъ настоящія, самостоятельныя реальности. Нетрудно догадаться, насколько сознательно и полезно будетъ способенъ дѣйствовать подобный человѣкъ въ той великой борьбѣ, гдѣ сурово сталкиваются истинныя реальности—организованныя соціальныя силы. А уклониться отъ этой борьбы—не зависить отъ воли отдѣльной личности, хотя бы она и пожелала, сознавая свою непригодность,—при чемъ такая оцѣнка тоже лишь исключеніе.

По отношенію къ исторіи, къ соціальнымъ наукамъ марксизмъ успѣлъ уже выполнить такую реформу, о какой и думать рѣчь: выясненіе связи вырабатываемыхъ ими идей и понятій съ соціальной практикой, особенно классовой. Однако и здѣсь для энциклопедіи потребуется пополненіе ряда пробѣловъ, оставленныхъ имѣющимися до сихъ поръ изслѣдованіями марксистовъ историковъ и соціологовъ. Чаше всего до сихъ поръ выяснялось соотношеніе тѣхъ или иныхъ научныхъ концепцій съ классовыми интересами, ихъ выгодность для того или иного класса; гораздо рѣже заботятся объ установленіи зависимости тѣхъ же концепцій отъ классового способа мышленія, и этого способа мышленія—отъ условій практики—труда и соціальной борьбы: та сторона историко-матеріалистическаго метода, которая намѣчена Марксомъ, напр., въ ученіи о мѣновомъ фетишизмѣ, послѣ него

развивалась очень мало,—а между тѣмъ она наиболѣе важная по своему объяснительному значенію.

Еще гораздо хуже обстоитъ дѣло съ естественными науками и математикой. Для меня долго представлялся необъяснимымъ тотъ спокойный эклектизмъ, съ которымъ большинство теоретиковъ-марксистовъ отбрасываетъ самую мысль объ анализѣ этихъ областей идеологіи съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, съ точки зрѣнія зависимости методовъ познанія отъ методовъ техники и общественной борьбы. Дѣло и для насъ, разумѣется, идетъ не о томъ, чтобы выводить теоремы изъ экономическихъ отношеній. Но мы убѣждены, что способы и приемы, которыми оперируетъ познающій, изслѣдуя и группируя данныя опыта, не выдумываются индивидуально, а вырабатываются коллективно-исторически, и только оформливаются отдѣльными личностями: руководящіе принципы, которымъ подчиняется человѣческое мышленіе, научное и обыденное, зарождаются не въ воображеніи гениевъ, а въ той сферѣ, гдѣ непосредственная жизненная необходимость вынуждаетъ и опредѣляетъ развитіе—въ технически-трудовой.

Такъ, совершенно несомнѣнно, что великій научный и въ то же время философскій принципъ энергіи—энтропіи есть непосредственно перенесенный въ познаніе принципъ машиннаго производства.¹⁾ Но объ этомъ вы скорѣе прочитаете у анархиста Крапоткина, чѣмъ у нынѣшнихъ оффиціальныхъ теоретиковъ марксизма. Между тѣмъ, всякая „популяризація“ закона энергіи безжизненна и схематически-пуста, если въ ней нѣтъ пониманія этой его социальной сущности.

Возьмемъ другіе примѣры—можетъ быть, менѣе безспорные, но отчетливо поясняющіе то направленіе, въ которомъ надо выполнить реформу изложенія научныхъ идей.

Основу аналитической геометріи составляетъ, какъ извѣстно, отнесеніе пространственныхъ элементовъ къ заранее опредѣлен-

¹⁾ Превращеніе однѣхъ силъ природы въ другія, принципъ энергетики, это и есть прямо то, что на практикѣ дѣлаетъ машина въ производствѣ. Законъ энтропіи говоритъ о невозможности полнаго превращенія силъ природы въ тѣ формы, которыя могутъ быть использованы человѣкомъ,—о постоянномъ частичномъ разсѣяніи энергіи въ видѣ теплоты: прямое выраженіе объективныхъ предѣловъ, на которые постоянно наталкивается машинное производство.

нымъ системамъ координатъ. При этомъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ примѣняются либо прямоугольныя, либо полярныя координаты; т.-е., берется три сходящіяся подъ прямымъ угломъ прямыя, и положеніе изучаемой точки опредѣляется либо ея кратчайшими разстояніями отъ каждой изъ трехъ плоскостей, лежащихъ между этими прямыми,—либо ея разстояніемъ по прямой линіи отъ центра—точки пересѣченія координатъ, и величиною угловъ, которые эта прямая образуетъ съ тѣми же самыми плоскостями. Теперь, можно ли считать простой случайностью тотъ несомнѣнный фактъ, что въ технической практикѣ система трехъ прямоугольныхъ координатъ была реализована тысячи милліоновъ разъ раньше того, какъ она была сдѣлана схемою геометрическаго анализа? Ибо она въ точности воспроизводится каждымъ угломъ cadaго четырехугольнаго зданія, и слѣдовательно является прежде всего элементарной схемою построекъ. И можно ли отвергнуть значеніе для данной науки того факта, что еще первобытный охотникъ практически примѣнялъ методъ полярныхъ координатъ, когда искалъ себѣ дорогу въ дѣвственныхъ лѣсахъ и степяхъ, ориентировавшись по солнцу и по звѣздамъ? Онъ инстинктивно опредѣлялъ направленіе, основываясь на величинѣ угловъ между своими лучами зрѣнія, обращенными къ солнцу, къ горизонту, къ знакомымъ звѣздамъ, къ далекимъ горамъ, и т. под.; а эти углы геометрически представляютъ не что иное, какъ именно элементы полярныхъ координатъ.

Аналитическая алгебра основана на счисленіи безконечно-малыхъ величинъ. Понятіе о безконечно-малыхъ возникло еще въ классической древности, и однако древніе не сумѣли создать дифференціального и интегральнаго счисленія. Почему такъ случилось? Ближайшую причину отыскать легко: по различнымъ замѣчаніямъ древнихъ философовъ съ несомнѣнностью можно видѣть, что безконечно-малыя внушали имъ своеобразное отвращеніе (равно какъ и безконечно-большія). Я не стану здѣсь разбирать вопроса о томъ, чѣмъ порождалось это отвращеніе. Но несомнѣнно, что вѣкъ въ XVI—XVII, несмотря на все уваженіе къ древней философіи, подобнаго отвращенія уже не было. Почему оно исчезло? Идея безконечно-малой выражаетъ, какъ извѣстно, лишь стремленіе неограниченно уменьшать какую-либо данную величину. И вотъ, именно съ XV—XVI вѣка такое стремленіе воз-

никло въ самой технической практикѣ, и стало чрезвычайно важнымъ для нея. То была эпоха зарожденія міровой торговли, опирающейся на океаническое мореплаванье, и эпоха перваго распространенія мануфактуръ. Для мореплаванья огромное значеніе приобрѣла точность оріентировки, для промышленности—точность приготовления инструментовъ. Минимальная ошибка въ линіи курса при путешествіяхъ на тысячи верстъ по великимъ воднымъ пустынямъ угрожала не только усложненіемъ и замедленіемъ труднаго пути, но зачастую даже гибелью всей „транспортной мануфактуры“ — корабля съ его экипажемъ. Стремленіе уменьшить эту ошибку до практически-ничтожной стало жизненно-насушнымъ. Въ мануфактурѣ также минимальныя ошибки и неточности въ инструментахъ имѣли большое реальное значеніе. Если въ ремесленной мастерской работнику, выполняющему свое дѣло при помощи цѣлаго ряда различныхъ орудій, приходилось каждымъ изъ нихъ сдѣлать, положимъ, нѣсколько десятковъ движеній въ часъ, а то и меньше, то въ мануфактурѣ, съ ея крайнимъ раздѣленіемъ труда, работникъ, оперируя все однимъ и тѣмъ же инструментомъ, производитъ съ нимъ тысячи однообразныхъ движеній за такое же время. Неуловимая для глаза погрѣшность въ устройствѣ орудія, оказывая свое вліяніе тысячи и тысячи разъ, порождаетъ весьма замѣтное ухудшеніе въ результатахъ работы—въ количествѣ продукта, въ степени утомленія работника, и т. д. Всякую неровность и асимметрію инструмента требуется уменьшить настолько это возможно, не удовлетворяясь окончательно любой достигнутой степенью,—т.-е. требуется сводить къ безконечно-малой величинѣ. Естественно, что античное, презрительное отношеніе къ безконечно-малымъ должно было исчезнуть и смѣниться живымъ интересомъ: новые мотивы, чуждые древнему міру, были порождены новой соціально-трудовой практикой ¹⁾.

¹⁾ Насколько интенсивенъ былъ этотъ интересъ, показываютъ тѣ огромныя усилія, которыя тогда дѣлались для приготовленія мощныхъ увеличивающихъ инструментовъ. Приготавливались неуклюжія астрономическія трубы футовъ во 100 и болѣе длины; а одна изъ дупъ Лёвенчука увеличивала въ 2000 разъ; видѣть въ нее, конечно, нельзя было почти ничего, благодаря темнотѣ поля зрѣнія, такъ что весь трудъ, на нее потраченный, имѣлъ почти лишь символическій смыслъ—выражалъ стремленіе, такъ сказать, глазами уловить безконечно-малыя.

Обыкновенно разсматривают какъ случайность или даже курьезъ ту особенную роль, которую сыграла соціологическая теорія Мальтуса въ генезисѣ теоріи Дарвина. Между тѣмъ, концепція „борьбы за существованіе“, понимаемой въ смыслѣ конкуренціи, вовсе не была, разумѣется, изобрѣтеніемъ Мальтуса: это—весьма общая форма мышленія, непосредственно данная самою буржуазно-классовой практикой, экономической жизнью рынка. Тѣмъ же объясняется и обратный переходъ дарвинизма въ соціологию, гдѣ онъ примѣняется въ качествѣ буржуазной апологетики.

Наши иллюстраціи показываютъ, какъ уже теперь, отрывочно и несистематично, обнаруживается въ разныхъ областяхъ познанія соціально-трудовая его природа. Эту отрывочность и безсистемность новая энциклопедія должна замѣнить всестороннимъ и цѣлостнымъ выясненіемъ той связи, о которой идетъ рѣчь. Тутъ потребуются огромная и трудная коллективная работа по самымъ различнымъ отраслямъ знанія.

XXII.

Многіе спеціалисты, вѣроятно, скажутъ, что предлагаемая нами реформа въ способахъ изложенія и освѣщенія наукъ просто смѣшиваетъ науку съ ея исторіей, представляемой съ точки зрѣнія соціального матеріализма. Они будутъ утверждать, что для познанія выгодно раздѣленіе этихъ двухъ его сторонъ, что объективное содержаніе научныхъ понятій вовсе не зависитъ отъ ихъ соціального происхожденія, и должно даваться въ популяризаціяхъ совершенно отдѣльно отъ него, именно въ интересахъ упрощенія, облегченія дѣла; въ противномъ же случаѣ на изучающаго возлагается сразу двойная задача, весьма разнородная въ двухъ своихъ частяхъ,—и это должно запутать и затруднить его. Нельзя отрицать, что для спеціалистовъ, для людей отвлеченнаго познанія и суженной практики, такое отношеніе къ данному вопросу не только естественно, но также и правильно: ихъ мышленіе неизбѣжно будетъ спутываться и теряться при всякой попыткѣ воспринимать научныя идеи, какъ живыя формы,

имѣющія опредѣленную исторію, опредѣленное мѣсто въ социальномъ процессѣ, а не какъ мертвыя, застывшія схемы.

Но вѣдь не для этихъ абстрактныхъ людей и предназначается новая демократизація знаній,—а для людей широкой, конкретной, сознательно-преобразующей міръ практики. Для „филистера специальности“ (выраженіе Маха) новая энциклопедія будетъ столь же мало поучительнымъ и непріятнымъ чтеніемъ, какъ безбожная энциклопедія XVIII вѣка — для вѣрныхъ католиковъ того времени.

Совершенно невѣренъ тотъ взглядъ, будто объективное содержаніе научной идеи не зависитъ отъ ея генезиса, и можетъ быть усвоено полно и точно безъ отношенія къ нему. Мысль есть живое орудіе практики, а все живое постигается глубоко и прочно только понятое въ его развитіи. Въ сущности, даже мертвымъ орудіемъ, такимъ какъ машина, нельзя законченно овладѣть, зная его лишь статически, въ его данномъ устройствѣ и примѣненіи, внѣ связи съ исторіей его выработки изъ другихъ орудій. Можно, разумѣется, научить солдата стрѣлять изъ магазиннаго ружья, не объясняя ему происхожденія этой удивительной машины; но вѣдь можно, пожалуй, не объяснять ему и самаго механизма, а обучить его только правиламъ заряжанія, прицѣла и т. д. Это будутъ разныя степени несовершенства въ отношеніи человѣка къ орудію. Во второмъ случаѣ, малѣйшей порчи, малѣйшаго разстройства въ механизмѣ будетъ уже достаточно, чтобы онъ сталъ бесполезенъ, потому что тотъ, кто его примѣняетъ, абсолютно неспособенъ исправить нарушеніе. Въ первомъ же случаѣ дѣло, конечно, не такъ плохо; но полного пониманія механизма все-же на-лицо нѣтъ; все дальнѣйшее усовершенствованіе орудія остается въ рукахъ немногихъ специалистовъ, знающихъ пути, которыми шла техника въ развитіи этого и другихъ механизмовъ, и способныхъ пользоваться разными комбинаціями или варіаціями раньше примѣнявшихся методовъ: базисъ технического прогресса суженъ, коллективное творчество, идущее къ великому черезъ накопленіе неумовимо-малыхъ величинъ, ограничено и ослаблено. Къ орудіямъ живымъ—понятіямъ, идеямъ—все это относится еще въ несравненно большей степени; здѣсь сознательность болѣе глубокая, охватывающая не только

статику орудія, но и его динамику, его исторію, гораздо необходимо. Знать описательную анатомію и даже описательную фізіологію живого существа еще не значитъ понимать его жизнь, познавательно овладѣть ею, предвидѣть условія и возможности ея развитія. Такъ же недостаточно знать содержаніе идеи, какимъ оно является въ данный моментъ: въ ея прошломъ лежитъ ключъ къ ея будущему.

Уже Эрнстъ Махъ въ нѣкоторыхъ своихъ монографіяхъ, какъ „Механика“, „Ученіе о теплотѣ“, соединяетъ изложеніе науки съ изложеніемъ хода ея развитія, въ результатъ чего получается разрушеніе многихъ укоренившихся въ наукѣ предразсудковъ и фетишей, загромаждающихъ познаніе. Но и этотъ лучший изъ идеологовъ интеллигенціи далекъ отъ мысли систематически связывать измѣненія научныхъ идей и методовъ съ условіями и потребностями соціально-трудоваго процесса, хотя въ общей формѣ онъ и признаетъ эту связь. Для насъ же именно въ ней суть дѣла: она одѣнетъ абстрактныя понятія плотью и кровью той жизни, изъ которой они рождаются, органическую часть которой они составляютъ. Сведя экономическую жизнь общества къ ея коллективно-трудоваго основѣ, Марксъ показалъ способы предвидѣть ходъ экономического развитія. Сведя познаніе къ его коллективно-трудоваго основѣ, мы найдемъ способы предвидѣть ходъ познавательнаго развитія. Здѣсь мы также получимъ возможность направлять свою работу съ объективнымъ ходомъ историческаго процесса.

Невѣрно было бы думать, что науки въ новомъ ихъ освѣщеніи будутъ изучаться съ большимъ трудомъ, чѣмъ въ ихъ теперешнемъ, отвлеченномъ видѣ. Для людей практики онѣ будутъ гораздо понятнѣе, какъ организующія формы практической жизни, чѣмъ оставаясь голыми схемами абстрактнаго міра истинъ. Это будетъ не усложненіе, а напротивъ, упрощеніе науки ¹⁾. Не только

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ современныхъ руководствахъ по математикѣ указывается значеніе различныхъ ея методовъ для другихъ научныхъ областей, отношеніе извѣстныхъ ея функцій къ опредѣленнымъ группамъ явленій природы. Это не только не затрудняетъ, но значительно облегчаетъ изученіе, и конечно—углубляетъ пониманіе науки. Разумѣется, тутъ далеко еще нѣтъ того, что мы ставимъ цѣлю, —исслѣдованія научныхъ истинъ и методовъ въ ихъ живомъ генезисѣ, въ ихъ развитіи изъ общей практики человѣчества; но все-же тутъ несомнѣнный шагъ въ эту сторону, а дальнѣйшіе шаги дадутъ гораздо больше какъ для оживленія, такъ и для углубленія абстрактныхъ наукъ.

въ философіи, но даже въ естествознаніи цѣлый рядъ вопросовъ возникаетъ благодаря именно оторванности мышленія отъ практики; и эти вопросы отпадаютъ при возстановленіи связи обѣихъ частей опыта.

Такъ напр., концепція „энергіи“ до сихъ поръ представляется въ „позитивной“ наукѣ чѣмъ-то таинственнымъ или, по меньшей мѣрѣ, спорнымъ. Имѣются два крайнихъ ея пониманія, субстанціальное и символическое, а между ними рядъ промежуточныхъ оттѣнковъ. Для однихъ это—нѣкоторая „сущность“, заключенная внутри явленій, въ опредѣленныхъ количествахъ, изъ чего иные дѣлаютъ даже выводъ о томъ, что сумма ея въ природѣ ограничена; для другихъ это—чистый символъ, примѣняемый для удобства въ группировкѣ явленій. Оба эти взгляда, какъ и всѣ промежуточные между ними, сразу должны быть отброшены, какъ только мы поймемъ, что „энергія“—это просто техническій принципъ машиннаго производства; и сущность ея заключается въ томъ, что общество, подчиняя себѣ природу, одни ея процессы дѣлаетъ источникомъ для полученія другихъ процессовъ; въ этомъ и состоитъ „энергетическая“, т. е. социально-практическая эквивалентность явленій. Передъ нами, значить, не „субстанція“ природы, но и не простой символъ, а опредѣленное, активно-цѣлесообразное отношеніе къ ней со стороны трудящегося и познающаго коллектива.

На такомъ пути создается цѣлостное міровоззрѣніе, въ основѣ котораго лежитъ работа, реально преобразующая міръ.

XXIII.

Читатель видитъ, какая грандіозная работа во всѣхъ областяхъ знанія потребуется для Новой Энциклопедіи. Онъ спроситъ, конечно, какими силами эта работа будетъ выполнена. Вопросъ очень нелегкій, если взвѣсить количество и характеръ элементовъ, теоретически работающихъ надъ пролетарской идеологіей въ настоящее время.

Мы указывали, что для классового развитія вполне различно, будетъ ли та или иная организующая его опытъ идея

формулирована человѣкомъ, экономически принадлежащимъ къ данному классу, или же случайнымъ пришельцемъ, социальнo къ нему примыкающимъ въ его борьбѣ, напр., какъ это было нерѣдко для рабочаго класса—„бѣлымъ ворономъ“, перелетѣвшимъ изъ буржуазной интеллигенціи. Но когда дѣло идетъ о полномъ и цѣлостномъ воплощеніи всего міропониманія даннаго класса, объ его энциклопедіи, то нельзя просто положиться на то, что „потребность создать органъ, ее удовлетворяющій“, что сами собой найдутся въ достаточномъ количествѣ, положимъ, ученые „бѣлые вороны“, которые сѣмѣютъ выполнить трудную культурную работу. Болѣе того,—это именно тотъ случай, когда надо заранѣе принять, что задача не можетъ быть рѣшена безъ широкаго, преобладающаго прямого участія чистыхъ представителей класса, коренныхъ элементовъ коллектива.

Въ чемъ состоитъ задача? Въ томъ, чтобы послѣдовательно и систематично связать итоги и методы современнаго знанія съ коллективно-трудоымъ опытомъ рабочаго класса. Для этого, очевидно, требуется не только владѣть результатами, которыхъ успѣли достигнуть наука и философія, но также воспринимать глубоко и ярко классовой опытъ. Въ какой мѣрѣ это возможно для большинства пришлохъ теоретиковъ коллектива?

Основное поле жизни пролетарія—техническій процессъ или производство. Изъ его отношеній возникаетъ другая, неразрывная съ первою, сфера дѣятельности: социальная борьба, экономическая и политическая. Въ этихъ двухъ областяхъ протекаетъ коллективный опытъ, который долженъ организоваться въ формахъ новой культуры. Для подавляющаго большинства идеологовъ-интеллигентовъ, примыкающихъ къ пролетаріату, одна изъ этихъ областей остается почти чуждой, и притомъ какъ разъ основная—область трудовой техники. Это обыкновенно люди специализированные на „социальныхъ вопросахъ“; ихъ знакомство съ физической стороной производства большей частью приближается къ безконечно-малой величинѣ, а знакомство съ его ближайшей идеологіей—техническими науками, естествознаніемъ—рѣдко бываетъ сколько-нибудь серьезнымъ и глубокимъ. Но даже и въ сферѣ ихъ специальности—общественно-научныхъ вопросовъ—связь идей съ конкретно-практической жизнью имѣетъ для нихъ далеко не столь непосредственный характеръ, какъ для на-

емнаго рабочаго, постоянно находящаго въ своей личной судьбѣ суровыя иллюстраціи къ соціально-экономическимъ и соціально-философскимъ обобщеніямъ.

Ясно, что пришедшая интеллигенція, очень полезная рабочимъ организаціямъ въ ихъ политической и профессионально-экономической дѣятельности, хотя и тамъ слишкомъ часто не безупречная со стороны тенденцій къ оппортунизму, совѣмъ уже недостаточна для культурнаго дѣла, объединяющаго весь жизненный опытъ рабочаго класса, сводящаго въ систему всю его практику и все мышленіе. Въ этой работѣ рѣшающая роль должна принадлежать не „варягамъ“, а новой интеллигенціи, выходящей изъ среды самого пролетаріата, но не уходящей отъ него, въ полной мѣрѣ проникнутой его общими переживаніями. Только въ зависимости отъ развитія такой интеллигенціи можетъ быть поставленъ самый вопросъ о великой Новой Энциклопедіи.

Я не хочу сказать, что исключительно руками этой новой интеллигенціи должна быть выполнена вся та огромная работа, о которой у насъ идетъ рѣчь. Но она одна можетъ придать работѣ необходимую послѣдовательность и цѣльность, внутреннее единство ясной и повсюду себѣ вѣрной классовой психологіи. Этимъ новымъ элементамъ будетъ принадлежать, можетъ быть, вовсе не такая значительная доля непосредственнаго выполненія дѣла,—но лишь ихъ фактическое руководство и контроль обезпечать успѣхъ, гарантируютъ побѣду надъ огромными трудностями задачи.

Однако, въ настоящее время новый руководящій слой, чисто пролетарскаго происхожденія, даже въ передовыхъ странахъ, несомнѣнно, еще не достаточно сложился и окрѣпъ, чтобы получить преобладаніе надъ пришедшей интеллигенціей въ дѣлѣ культурно-классового развитія. Требуется, притомъ же, не только наличность подобнаго рода силъ, но также надлежащая ихъ организація, которая собрала бы ихъ на общей идейно-организующей работѣ. Какимъ путемъ осуществить все это?

Поставленный вопросъ приводитъ насъ къ идеѣ Пролетарскаго Университета.

Читатель легко пойметъ, что употребляя, за неимѣніемъ другого, старое названіе „Университетъ“, мы имѣемъ въ виду

организацію совершенно иного типа, чѣмъ нынѣшніе буржуазныя храмы науки. Новое содержаніе нуждается въ новыхъ формахъ. Двѣ основныя черты господствующаго теперь академическаго строя, дробленіе по специальностямъ съ одной стороны, идейно-авторитарныя отношенія „профессоровъ“, и „студентовъ“ съ другой должны быть устранены въ Новомъ Университетѣ, или вѣрнѣе, онъ долженъ будетъ ихъ преодолѣть. Цѣль его вовсе не въ томъ, чтобы только переложить знанія тѣхъ, у кого они есть, въ головы тѣхъ, кто ими не обладаетъ, и такимъ образомъ доставить обществу нѣкоторое число профессионально-обученныхъ специалистовъ интеллигентскаго труда. Задача въ томъ, чтобы среди стараго общества вырабатывать сознательныхъ и цѣльныхъ представителей общества новаго, людей, которые въ полномъ объемѣ представляли бы себѣ гигантское дѣло преобразованія, возложенное на рабочій классъ ходомъ исторіи,—которые могли бы планомерно создавать культурныя формы, подготовляющія это преобразование, организуя необходимыя для него социальныя силы.

Въ нынѣшніе университеты принимаются большей частью мальчики, получившіе лишь отвлеченную познавательную дрессировку въ среднихъ школахъ, незнакомые съ производительнымъ трудомъ и суровою борьбой жизни,—мальчики, продолжающіе жить на чужой счетъ въ ожиданіи того момента, когда имъ придется вступить на „самостоятельный“ путь, заранѣе подготовленный и предначертанный ихъ связями въ буржуазномъ обществѣ. Не для такихъ человѣческихъ личинокъ будетъ предназначаться Новый Университетъ. Въ немъ должны завершать свою идейную выработку люди уже взрослые по существу, съ серьезнымъ опытомъ въ сферѣ труда и социальной борьбы. Въ извѣстномъ—но отнюдь не аристократическомъ—смыслѣ слова, это будутъ люди избранные: на дѣлѣ доказавшіе и свою общественную полезность, и стойкую послѣдовательность, и упорное стремленіе къ знанію, побѣждающее неблагоприятныя условія пролетарской жизни,—работники, съ бою взявшіе свое культурное воспитаніе. Такіе „студенты“ будутъ истинными товарищами своихъ „профессоровъ“, и въ свою очередь ихъ руководителями въ выполненіи коллективно-творческой задачи.

Какимъ образомъ это возможно?—спросить, вѣроятно, чита-

тель,—и можетъ ли получиться что-нибудь хорошее отъ взаимнаго руководства двухъ сторонъ? Мнѣ легко разъяснить недоумѣніе, опираясь на факты, хорошо извѣстные мнѣ, и многимъ другимъ, конечно, изъ практическаго опыта культурной работы.

XXIV.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ мнѣ съ двумя-тремя товарищами пришлось въ одномъ провинціальномъ центрѣ обучать рабочую молодежь политической экономіи, а также и разнымъ другимъ наукамъ. Эти нѣсколько десятковъ юношей были, въ общемъ, далеко еще не тѣми избранными, испытанными людьми, которые должны образовать слухательскій составъ Новаго Университета. И тѣмъ не менѣе они не были пассивнымъ матерьяломъ для педагогическаго воздѣйствія, и простая добросовѣстность требовала бы отъ насъ, тогдашнихъ „учителей“, признанія, что въ системѣ преподаванія роль нашихъ „учениковъ“ была въ значительной мѣрѣ руководящею.

Мы приступали къ дѣлу съ очень небольшимъ научнымъ багажемъ и во многомъ неясными представленіями о тѣхъ самыхъ социальныхъ формахъ и тенденціяхъ, которыя были основнымъ сюжетомъ нашего преподаванія. Наша неопытность была такъ велика, что, напр., я лично пытался привести моихъ слушателей къ изложенію „Капитала“ черезъ „Экономическія бесѣды“ Карышева и „Политическую Экономію“ Иванюкова, книги, абсолютно не имѣющія ничего общаго съ марксизмомъ, и вообще абсолютно не пригодныя для нашей тогдашней цѣли. Это и было весьма скоро мнѣ выяснено моими „учениками“. Ихъ вопросы и комментаріи къ тому, что мы вмѣстѣ читали, убѣдили меня, что выбранныя „пособія“ не соотвѣтствуютъ ихъ требованіямъ, и особенно—самому складу ихъ мышленія. Объяснительное чтеніе быстро превратилось въ скучное предисловіе, за которымъ слѣдовали живыя бесѣды, далеко уходявшія отъ затронутыхъ чтеніемъ темъ, и направлявшія мысль молодого лектора къ отысканію другихъ средствъ и источниковъ. Пришлось поневолѣ перейти къ составленію собственнаго курса лекцій, и въ нихъ комбини-

ровать матерьялъ въ той связи, которая навязывалась вопросами слушателей: соединять, какъ параллельныя звенья одной сложной исторической цѣпи, явленія техническія и экономическія съ вытекающими изъ нихъ фактами духовной культуры ¹⁾. А затѣмъ, запросы „учениковъ“ шли все дальше и дальше, захватывая сложнѣйшіе сюжеты естествознанія и философіи; лекторы принуждены были сами учиться многому, о чемъ раньше имъ казалось достаточнымъ имѣть бѣглыя, поверхностныя свѣдѣнія.

Полная невозможность за короткое время передать слушателямъ фактической матерьялъ во всѣхъ областяхъ, которыя вызывали ихъ живой интересъ, вынудила лекторовъ сосредоточивать содержаніе своихъ отвѣтовъ на методологіи тѣхъ наукъ, о которыхъ приходилось давать понятіе юнымъ вопрошателямъ. При этомъ оказывалось, что ихъ занимаетъ и привлекаетъ всего болѣе не специализированный характеръ различныхъ методовъ, а напротивъ, ихъ взаимная связь, то, что въ нихъ находится общаго и сходнаго. Передъ нами были какіе-то прирожденные монисты, которые требовали отъ насъ—не всегда съ успѣхомъ, разумѣется, — монистическихъ отвѣтовъ на всевозможные, проклятые и не-проклятые вопросы. Это давало опредѣленное направленіе работѣ нашей мысли; а для меня лично это въ сильнѣйшей степени предопредѣлило характеръ моей послѣдующей философской дѣятельности.

Но въ данномъ случаѣ ученики могли дать своимъ учителямъ лишь неопредѣленное и, такъ сказать, стихійное руководство. Много позже мнѣ пришлось участвовать въ культурномъ предпріятіи болѣе высокаго типа, которое можетъ разсматриваться уже какъ первый шагъ къ созданію новаго университета — въ высшей рабочей школѣ. Тамъ, конечно, и форма сотрудничества двухъ сторонъ была болѣе совершенной.

Составъ перваго выпуска школы былъ не вполне однородный, потому что тѣ, отъ кого зависѣлъ выборъ слушателей, не всѣ поняли сущность и значеніе дѣла. Но все же большинство выпуска подходило къ тому типу и уровню, который мы признаемъ необходимымъ для Новаго Университета. Программа соотвѣтствовала только одной сторонѣ задачъ такого университета: она почти

¹⁾ Этимъ путемъ возникъ написанный мною „Краткій курсъ экономической науки“

исключительно относилась къ области социальныхъ наукъ и социальной философіи; другая сторона—естествознаніе—была едва затронута нѣсколькими „сверхштатными“ лекціями. Этотъ недостатокъ сознавался всѣми участниками работы; но ограниченность времени и лекторскихъ силъ не позволяла его устранить.—Что касается состава лекторовъ, то онъ былъ значительно выше, чѣмъ въ первомъ случаѣ: люди почти всѣ немолодые, каждый въ своей отрасли обладавшіе нѣкоторой извѣстностью, съ выработанными взглядами и планомъ работы.

Крайняя концентрированность занятій препятствовала, до нѣкоторой степени, тому широкому и свободному общенію лекторовъ со слушателями, какое должно будетъ установиться въ Новомъ Университетѣ. Этимъ, очевидно, суживалась и руководящая роль коллектива „учащихся“ въ самомъ веденіи занятій. Тѣмъ не менѣе, она ярко обнаружилась уже тогда, когда устанавливалась программа и распредѣленіе курсовъ. „Ученики“ знали, чего они хотѣли отъ школы, и внесли съ своей стороны въ программу рядъ измѣненій, большая часть которыхъ оказались въ дальнѣйшемъ полезными и цѣлесообразными. Затѣмъ, при выполненіи дѣла выяснилось, что слушатели отнюдь не склонны оставаться въ рамкахъ пассивной и легкой роли „обучаемыхъ“; люди, уже раньше умѣвшіе много учиться и думать, въ общемъ довольно образованные, несмотря на различные пробѣлы въ познаніяхъ и недостатокъ ихъ систематичности, они критически воспринимали все, что имъ предлагалось, и подвергали серьезному обсужденію какъ содержаніе, такъ и форму лекцій. Университетскіе профессора, важные чиновники нынѣшняго общества, врядъ ли примирились бы съ такими отношеніями; но лектора школы вынесли не мало полезныхъ для себя указаній изъ дебатовъ со слушателями; нѣтъ сомнѣнія, что благодаря этому ни одинъ изъ курсовъ одного выпуска не будетъ стереотипно, безъ улучшеній, повторенъ слѣдующему выпуску. Это, товарищески-руководящее, вліяніе коллектива слушателей неизбежно будетъ возрастать съ увеличеніемъ ихъ числа, повышеніемъ уровня ихъ подготовки, и особенно—съ увеличеніемъ времени занятій, которое въ первый разъ было меньше пяти мѣсяцевъ ¹⁾.

¹⁾ Послѣ того, какъ это было написано, мнѣ случилось второй разъ принять участіе въ подобномъ же образовательномъ учрежденіи. Съ удовольствіемъ

Впрочемъ, и Новый Университетъ, безъ сомнѣнія, не будетъ доводить продолжительности своихъ курсовъ до 4—5 лѣтъ, какъ это практикуется въ университетахъ стараго типа. Ставя себѣ цѣлю не наполненіе юныхъ головъ обширными запасами знаній, а всестороннее ознакомленіе людей, вполне способныхъ къ самостоятельной работѣ, съ общими ея методами въ различныхъ областяхъ практики и теоріи, онъ будетъ въ состояніи ограничить свой циклъ занятій однимъ-двумя годами. Дольше будутъ оставаться тѣ, для кого успѣетъ за время курса намѣтиться конкретная лекторская, или теоретическая, или литературная задача, которую они будутъ выполнять при содѣйствіи всего лекторскаго коллектива, свѣряя сдѣланную работу съ запросами и требованіями новыхъ слушательскихъ коллективовъ, приходящихъ отъ живой пролетарской практики, и вновь къ ней возвращающихся.

Новая энциклопедія естественно сложится изъ работъ Новаго Университета, различные курсы котораго, постепенно совершенствуясь въ своемъ методѣ силою объединеннаго труда и провѣрки, послужатъ для нея основой. Тутъ она будетъ питаться опытомъ и мыслью того класса, которому она прежде всего необходима, какъ идейная опора въ собираніи силъ для его великой, над-классовой миссіи.

XXV.

Изъ всѣхъ культурныхъ задачъ нашего времени созданіе пролетарскаго искусства есть та, которая встрѣчаетъ наибольшій скептицизмъ. Иные разсматриваютъ искусство, какъ особаго рода игрушку, украшеніе жизни, неважное для соціальной борьбы, и находятъ, что пролетарскія силы не слѣдуетъ тратить въ этомъ направленіи; такъ думаютъ даже многіе изъ тѣхъ, которые способны понять жизненное значеніе другихъ областей культуры. Но мы, признавъ организующую функцію искусства въ жизни

емъ и гордостью могу сказать, что мое предвидѣніе оправдалось: вмѣстѣ съ новымъ шагомъ въ разработкѣ программы и содержанія занятій былъ сдѣланъ шагъ впередъ и въ развитіи коллективнаго характера работы, въ усиленіи взаимнаго вліянія „учащихъ“, которые въ то же время учились, и „учащихся“, которые во многомъ и учили...

коллектива, не станемъ останавливаться на такого рода скептицизмѣ; мы только отмѣтимъ, что культурное, т.-е. организующее вліяніе искусства почти всегда шире, а порою — и глубже, чѣмъ вліяніе отвлеченнаго познанія. Искусство, со своимъ конкретно-образнымъ характеромъ, ближе и понятнѣе массамъ, какъ бы демократичнѣе, чѣмъ наука. Не случайно беллетристика читается во много разъ больше, чѣмъ всякая популяризація; миллионы людей могутъ видѣть и понять одну и ту же картину; а музыка, если она сумѣетъ выразить чувство народныхъ массъ, распространяется среди нихъ такъ, какъ волны въ морѣ. Пролетаріату, который живетъ своею жизнью, такой непохожей на жизнь его предшественниковъ, нужно свое искусство. И онъ будетъ его имѣть, такъ какъ это великій классъ, энергія котораго возрастаетъ, и творчество расширяется, — наслѣдникъ всей общечеловѣческой культуры.

Нѣкоторые полагаютъ, что суровое трудовое существованіе рабочаго класса, вмѣстѣ съ еще болѣе суровой соціальною борьбой, помѣшаютъ ему заняться созданіемъ своего искусства до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ господствующею силою среди общества. Они не отрицаютъ значенія искусства въ народной жизни, но считаютъ неизбѣжнымъ, что оно будетъ оттѣснено другими соціальными приспособленіями, болѣе непосредственно связанными съ трудомъ и борьбою, составляющими основу классовой жизни; экономическое и политическое самосознаніе класса, согласно этому мнѣнію, должны слишкомъ сильно поглотить творческую энергію рабочихъ массъ, ихъ вниманіе, ихъ волю, чтобы остался достаточный излишекъ всего этого для серьезной и глубокой жизни въ сферѣ искусства. Марксизмъ, — говорятъ эти люди, — поневолѣ не поэтиченъ, потому что онъ вынужденъ всюду срывать красивыя идеологическія оболочки, и раскрывать грубые матеріальные интересы, опредѣляющіе ходъ исторіи; къ такимъ же матеріальнымъ интересамъ апеллируетъ онъ въ дѣлѣ сплоченія пролетаріата; чтобы достигнуть цѣли, онъ долженъ бить въ одну точку, въ чемъ и заключается его спасительная узость. Но ужъ поэзіей при этомъ надо пожертвовать, и всего лучше сознательно сдѣлать это, не пытаясь идти противъ неизбѣжнаго. Вотъ, когда будутъ улажены матеріальныя отношенія общества, и экономическіе интересы перестанутъ раздѣлять людей, тогда

настанетъ время для новой поэзіи, тогда гармонія искусства закрѣпитъ новыя связи жизни. А до тѣхъ поръ пролетаріату надо удовлетворяться сухой, но необходимой прозой.

Эти взгляды насквозь пропитаны „здравымъ смысломъ“, т.-е., въ сущности, мелкимъ расчетомъ. И, какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, весь расчетъ основанъ на ложной предпосылкѣ, — на той идеѣ, что жизнь въ сферѣ искусства есть чистая затрата энергіи, минусъ для другихъ областей человѣческой активности. Какъ-будто коллективъ обладаетъ только нѣкоторымъ опредѣленнымъ количествомъ силъ, и если расходуетъ ихъ на одно, то на другое непременно остается меньше. На самомъ же дѣлѣ, силы коллектива рождаются изъ его дѣятельности и возрастаютъ съ ея развитіемъ; чѣмъ она уже и одностороннѣе, тѣмъ слабѣе накопленіе классовой энергіи. Если сплоченіе класса происходитъ на болѣе ограниченномъ полѣ культуры — не выходитъ за предѣлы его экономики и политики, — то оно охватываетъ и связываетъ въ стройную систему гораздо меньшую сумму потенціальныхъ человѣческихъ силъ, чѣмъ если оно совершается на болѣе широкомъ полѣ, по всей линіи возможныхъ культурныхъ формъ. Не былъ бы геніальнымъ тотъ генералъ, который, въ виду чрезвычайныхъ трудностей похода, ради сбереженія силъ отмѣнилъ бы музыку и пѣсни въ своемъ войскѣ. Военная музыка не создаетъ въ солдатахъ новой энергіи, но она будитъ и освобождаетъ ту, которая дремлетъ въ глубинѣ организма, — и присоединяетъ ее къ обычному запасу, которымъ располагаетъ человѣческая воля.

Механически и арифметически взятая сумма социальныхъ силъ, воплощенная въ рабочихъ массахъ, колоссальна; но до сихъ поръ лишь незначительная часть ихъ приняла организованную форму коллективной энергіи. Тутъ всепроникающее вліяніе новаго искусства найдетъ для себя огромный просторъ; гармонизируя чувства и стремленія массъ, оно будетъ могучимъ двигателемъ, ускоряющимъ ростъ и побѣду коллектива.

XXVI.

Я не стану говорить о формах этого новаго, пролетарскаго искусства; предоставляю это другимъ, болѣе меня компетентнымъ въ такихъ вопросахъ. Но что касается его содержанія, то здѣсь, не выходя изъ рамокъ соціально-философской теоріи, мы можемъ прийти къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ, и устранить нѣкоторые распространенные предрасудки.

Многіе полагаютъ, что пролетарское искусство должно спеціально описывать пролетарскую жизнь—быть и борьбу рабочаго класса; то, что лежитъ за этими предѣлами, по ихъ мнѣнію, можетъ быть развѣ лишь по необходимости терпимо въ пролетарскомъ искусствѣ, и во всякомъ случаѣ должно занимать въ немъ второстепенное мѣсто. Такой взглядъ чрезвычайно ошибоченъ и наивенъ.

Міръ классового опыта, который является объектомъ классового искусства, отнюдь не ограниченъ подобными предѣлами; по своей тенденціи онъ безграниченъ, онъ стремится охватить все бытіе общества и природы. Пролетарій живетъ среди другихъ классовъ, въ общемъ ему либо чуждыхъ, либо враждебныхъ, но не за стѣною, а въ постоянномъ соприкосновеніи съ ними. Тысячи нитей общенія, идейнаго, экономическаго, гражданскаго, связываютъ его съ различными представителями этихъ классовъ; многое, сознательно и безсознательно, онъ отъ нихъ воспринимаетъ даже тогда, когда непріязненно сталкивается съ ними; многое, кромѣ того, стихійно сохраняется въ немъ, какъ наслѣдство отъ тѣхъ классовъ, изъ которыхъ онъ соціально произошелъ, классовъ индивидуалистическихъ, каковы мѣщанство и крестьянство. Знать ихъ, въ совершенствѣ понимать ихъ организацію, ихъ психологию, интересы, для него въ высшей степени важно и для того, чтобы не поддаться ихъ культурному воздѣйствію, и для того, чтобы точно предусмотрѣть ихъ соціальную позицію въ историческихъ конфликтахъ, безъ чего нельзя установить пѣлесообразной тактики по отношенію къ нимъ,—и также для того, чтобы взять у нихъ все то полезное и прогрессивное, что они могутъ дать.

Природа тоже вся, а не маленькая часть ея, нужна рабочему классу не только въ познаніи, но и въ художественномъ изобра-

женіи: она—безконечно расширяющееся поле его труда, ея завоеваніе—конечная его цѣль, для которой средствомъ послужить и новая организація общества—его классовой экономической идеаль.

Ни о какомъ замыканіи новаго искусства въ рамки узко-классового быта не можетъ быть и рѣчи. Не случайно приходится нерѣдко видѣть, что рабочіе находятъ скучными и неинтересными описанія пролетарской жизни, предпочитая имъ романы и повѣсти изъ жизни другихъ слоевъ общества. Правда, это ихъ отрицательное отношеніе вызывается чаще всего сантиментально-филантропическими картинами „страданія“ рабочей массы, воспринимаемыхъ извнѣ сочувствующими ей, но плохо понимающими ее людьми. Но и помимо этого, рабочіе прямо заявляютъ очень часто, что свою среду съ ея интересами и бѣдствіями они все-же знаютъ изъ личнаго опыта, а потому имъ интереснѣе знакомиться съ другими элементами общества. Въ такихъ сужденіяхъ есть, пожалуй, тоже извѣстная односторонность, но очень понятная и единственная у людей, которымъ надо въ возможно кратчайшее время получить возможно большее содержаніе для своей мысли и чувства. Истинное искусство и для самихъ пролетаріевъ своей организующею силой способно открыть въ ихъ трудѣ, ихъ борьбѣ и обыденномъ существованіи много такого, что ускользаетъ отъ ихъ сознанія. И конечно, это сдѣлаетъ всего скорѣе, всего больше, всего вѣрнѣе тотъ новый художникъ, который будетъ представителемъ пролетарскаго искусства, который глубоко и ясно будетъ воспринимать опытъ развивающагося коллектива съ его точки зрѣнія.

XXVII.

Откуда придетъ этотъ новый художникъ? Чаще всего, я думаю, онъ будетъ уже не „бѣлый воронъ“ изъ выше лежащихъ сферъ общества, а родное дитя пролетаріата. Безъ сомнѣнія, пришлецъ съ могучимъ талантомъ и чуткой душою, который всѣмъ сердцемъ и всей волею примкнетъ къ новому коллективу, который приметъ активное участіе въ его усиліяхъ и въ его судьбѣ,—такой человекъ, вѣроятно, сможетъ овладѣть его массо-

вымъ опытомъ настолько, чтобы воплотить его въ образахъ искусства. Но здѣсь это будетъ болѣе рѣдкимъ исключеніемъ, чѣмъ въ области отвлеченнаго познанія. Для художественнаго творчества обязательна конкретность и цѣлостность отраженія жизни, а потому необходимо болѣе полное и непосредственное проникновеніе во всѣ переживанія коллектива, чѣмъ для творчества научнаго и философскаго.

Наблюдаемый за послѣднее время поворотъ цѣлаго ряда крупныхъ поэтовъ и художниковъ Запада къ социализму ярко выражаетъ притягательную силу пролетарскаго коллектива, и несомнѣнно, подготавливаетъ развитіе пролетарскаго искусства; но все же было бы неправильно считать Верхарна, Метерлинка, Демеля, Франса, Лемонье и имъ подобныхъ за настоящихъ представителей этого искусства. Имъ близки уже интересы рабочихъ массъ, ихъ страданія и протестъ; но способъ воспріятія жизни, способъ ея пониманія, который складывается среди этихъ массъ, еще слишкомъ мало доступенъ художникамъ социалистамъ Запада, и естественно, что въ этомъ ихъ могъ опередить значительно М. Горькій, который самъ долго жилъ пролетарскою жизнью. Во всякомъ случаѣ, передъ нами еще только первые этапы новаго искусства; предстоитъ большой путь и трудная работа,—но каждый слѣдующій шагъ тутъ будетъ оказываться легче предыдущаго. Чѣмъ тѣснѣе будетъ организоваться пролетарскій коллективъ во всѣхъ формахъ, ему свойственныхъ, чѣмъ опредѣленнѣе будетъ кристаллизироваться его общее міросозерцаніе и мірочувствованіе, тѣмъ неизбѣжнѣе и чаще въ его средѣ будутъ найдены люди, глубоко проникнутые всѣмъ богатствомъ его переживаній, и способные стройно, гармонически организовать ихъ въ формахъ искусства.

Изъ простаго соединенія писателя-интеллигента съ желаніемъ служить дѣлу пролетаріата мы еще не получимъ пролетарскаго писателя. Мало сочувствовать интересамъ рабочаго класса и принимать его идеалы, мало изучить его положеніе въ экономикѣ и культурѣ общества, мало даже активно участвовать въ его борьбѣ,—всего этого недостаточно, чтобы создать изъ поэта или художника пролетарскаго идеолога въ его области творчества. Надо дѣйствительно жить жизнью новаго коллектива, ощущать напряженно и глубоко въ своемъ сердцѣ его радости и печали, на-

учиться воспринимать міръ его глазами, улавливать движеніе классовой мысли, усиліе классовой воли. Это будетъ легко и естественно даваться роднымъ дѣтямъ пролетаріата; но для дѣтей по усыновленію это еще долго будетъ рѣдкой случайностью—результатомъ счастливаго сочетанія особенныхъ природныхъ склонностей съ необыкновенной тонкостью воспріятія, съ исключительной отзывчивостью чувства.

Безъ сомнѣнія, Новый Университетъ и Новая Энциклопедія помогутъ развитію пролетарскаго искусства. Но породить его можетъ только сама непосредственная жизнь коллектива, стихійно концентрируясь въ богато одаренныхъ артистическихъ натурахъ. Его связь станетъ гармоничнѣе и тѣснѣе, его притягательная энергія возрастетъ: на полѣ искусства онъ также одержитъ прекрасныя побѣды надъ старымъ обществомъ, творческая сила котораго изсякаетъ.

XXVIII.

Царство нормъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія людей, разрослось среди капиталистической культуры до колоссальныхъ размѣровъ: разнообразные обычаи,—различные виды права, мѣстнаго, государственнаго, международнаго,—сложная мораль, мелочныя формы приличій, и т. под. Причина такого богатства проста и очевидна: общественная система труда въ ея цѣломъ неорганизована, анархична, полна противорѣчій и столкновеній, крупныхъ и мелкихъ; нормы восполняютъ, насколько необходимо, этотъ недостатокъ организованности, ставятъ границы антагонизмамъ и конфликтамъ, которые иначе постоянно обострялись бы, усиливаясь вплоть до полного разрушенія соціальной связи. Индивидуалистическое общество безъ нормъ не было бы обществомъ: оно развалилось бы на составныя части, разсѣялось бы въ видѣ стихійнаго потока человѣческихъ атомовъ.

Другую отличительную черту современнаго царства нормъ представляетъ повсюду его проникающій, своеобразный фетишизмъ. Источникъ нормъ—это общественная связь, интересы коллектива, группового, классового или обще-соціального; ихъ сущность лежитъ въ ихъ организующей функціи, ихъ основа—объективное сотрудни-

чество людей. Но въ обществѣ, построенномъ на рыночной и классовой борьбѣ, всѣ эти элементы недоступны мышленію людей, неизбежно индивидуалистичному. Поэтому для нихъ норма является внѣшней, самостоятельной силою, ограничивающей личность. Такъ, сила нравственного правила для индивидуалиста заключается не въ томъ, что оно служитъ къ сплоченію коллектива, котораго онъ и не знаетъ, и не чувствуетъ подъ непрозрачною оболочкой суровой „войны всѣхъ противъ всѣхъ“. Для него сила и обязательность этого правила состоитъ всецѣло въ томъ, что оно—нравственное, что оно предписывается моральнымъ принципомъ. Моральный же принципъ для индивидуалиста опредѣляется именно его обязательностью, независимой отъ личной воли. „Долгъ есть долгъ, и ничего болѣе“,—такова наиболѣе чистая формула индивидуалистической нравственности.

Аналогичнымъ образомъ обязательность права сводится къ тому, что оно есть законъ, т. е. право. Принудительность обычая въ томъ, что „всегда такъ велось“, т. е., что онъ есть обычай; приличія въ томъ, что „этого требуютъ хорошія манеры“, т. е. что оно есть приличіе... Всюду передъ нами одинъ и тотъ же фетишизмъ отвлеченнаго: норма „отвлекается“, отрывается отъ конкретной соціальной практики людей, превращается въ нѣчто самодовлѣющее, но подчиняющее себѣ людей. Безъ этого фетишизма онѣ были бы безсильны. Напримѣръ, когда индивидуалисту доказываютъ условность, историчность, соціальное происхожденіе нравственныхъ нормъ, то онъ понимаетъ это, какъ голое ихъ отрицаніе, и впадаетъ въ великій гнѣвъ противъ „безнравственности“ противниковъ.

Какъ иллюстрацію, я приведу одинъ траги-комическій эпизодъ изъ моего собственнаго опыта. Лѣтъ 15 тому назадъ, въ одномъ университетскомъ городѣ, мнѣ пришлось вступить въ мѣстную „марксистскую“ организацію. Она состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ интеллигентовъ, и несмотря на свое страшное названіе, занималась невинными вещами—въ сущности, просто самообразованіемъ. Ея руководители находили обыкновенный марксизмъ „вульгарнымъ“, и поставили себѣ задачей обосновать программу

и построить организацію на чисто нравственныхъ началахъ ¹⁾. Въ нѣсколькихъ кружкахъ, объединенныхъ „центральный кружокъ“, при строжайшей конспираціи, велись отчаянные диспуты о „свободѣ воли“, объ абсолютномъ принципѣ нравственности, о предпосылкахъ познанія, и т. под. Познакомившись съ постановкой вопросовъ, я заявилъ, что считаю себя „вульгарнымъ“ марксистомъ, а въ нравственныхъ принципахъ вижу социальный фетишизмъ, обусловленный отношеніями производства. Мнѣ едва не пришлось дорого поплатиться за свою смѣлость. Мои нравственные товарищи, собираясь безъ меня, стали обсуждать, не слѣдуетъ ли исключить меня изъ организаціи за безнравственность, и склонялись къ утвердительному рѣшенію: человѣкъ считаетъ нравственность фетишизмомъ,—очевидно, онъ человѣкъ безнравственный. Только по счастливой случайности я успѣлъ, поругавшись съ руководителями, по собственной инициативѣ уйти изъ организаціи, не дождавшись постановленія; и только впоследствии отъ одного изъ товарищей я узналъ, какъ близокъ былъ къ пріятной возможности получить чинъ и званіе „исключеннаго за безнравственность“. Такъ нераздѣльна мораль отъ фетишизма въ современномъ интеллигентскомъ сознаніи.

Впоследствии, во времена „Проблемъ идеализма“, г.г. идеалисты, переходившіе тогда на службу къ буржуазіи, выдвигали противъ насъ, скрывавшихся подъ фирмою „реализма“, слѣдующее ужасное обвиненіе: „вы хотите объяснить происхожденіе нравственности изъ матерьяльныхъ условий, — значитъ, вы отрицаете то, что есть для личности самаго священнаго и абсолютнаго“.

Въ до-капиталистическія эпохи, а также у сохраняющихся теперь остатковъ феодальныхъ классовъ фетишизмъ нормъ бываетъ иной, болѣе конкретнаго характера: ихъ источникомъ является личный авторитетъ, реальный или мнимый: для права — реальная фигура властителя, для нравственности — мнимые персонажи боговъ. Эти образы, конечно, также воплощали въ себѣ организаціонныя потребности коллектива, и подъ своей живой,

¹⁾ Выраженіемъ этихъ усилій явилась, нынѣ благополучно забытая, книга П. Нежданова „Нравственность“ — синтезъ идей П. Лаврова и Канта съ марксизмомъ.

яркой оболочкой были, по существу, столь же безсодержательны: источником нормы, ея санкціей оказывался просто произволъ.

Слѣды такого, болѣе древняго фетишизма удерживаются обыкновенно и въ новѣйшемъ, отвлеченномъ: первоисточникомъ міра нормъ и здѣсь большей частью признается нѣкоторый верховный авторитетъ,—но онъ весьма непохожъ на старые авторитеты. Развитое индивидуалистическое мышленіе не можетъ принять его въ образѣ живой, человѣкоподобной индивидуальности,—личность привыкла замыкаться отъ всякой другой конкретной личности, привыкла отстаивать свою отдѣльность и автономность отъ другихъ, ей подобныхъ. Поэтому верховный авторитетъ для этого типа мышленія возможенъ лишь въ совершенно обезличенномъ, до полной безсодержательности опустошенномъ видѣ: всѣ его человѣческіе признаки исчезаютъ, расплываясь въ концепціи „абсолютнаго“.

Итакъ, фетишизмъ социальныхъ нормъ неразрывно связанъ въ индивидуалистическомъ, какъ и въ авторитарномъ мірѣ, съ ихъ принудительностью. Поскольку эта принудительность нужна и полезна классу или обществу, постольку фетишизмъ культурно-необходимъ.

XXIX.

Если фетишизмъ социальныхъ нормъ обусловленъ дробленіемъ коллектива, маскирующимъ этотъ послѣдній и скрывающимъ его отъ мышленія личности, то пролетарская культура, основанная на объединеніи людей въ новый коллективъ, очевидно, не нуждается въ фетишизмѣ, и должна съ нимъ покончить. Такъ это и происходитъ въ дѣйствительности.

Пролетаріатъ вырабатываетъ то, что обыкновенно называютъ его „нравственнымъ“ и его „правовымъ“ сознаниемъ; у него складываются даже особыя внѣшнія формы общенія, подобныя „правиламъ приличія“. Въ сущности, здѣсь эти термины примѣняются весьма неточно: новыя явленія слишкомъ глубоко отличаются отъ старыхъ, обозначаемыхъ тѣми же словами.

Такъ, принято говорить, что „моральный принципъ“ рабочего класса—товарищеская солидарность. Но трудно даже сравни-

вать ее со всѣми когда-либо существовавшими моральными принципами. Чтобы быть ей вѣрнымъ, для этого пролетарію вовсе не нужна санкція верховнаго авторитета; и не требуется, чтобы она предписывалась „голосомъ долга“, независимымъ отъ всякихъ чело-вѣческихъ чувствъ и интересовъ, требующимъ подчиненія, „потому что онъ есть долгъ“. Для сознательнаго члена коллектива ясно, что товарищеская солидарность—это основная потребность коллектива, необходимое для него условіе жизни и развитія, и что она возникаетъ изъ его фактическаго сплоченія въ трудѣ и соціальной борьбѣ. Штрейкбрехеръ внушаетъ презрѣніе другимъ рабочимъ и отвращеніе себѣ самому не по той причинѣ, что онъ нарушилъ повелѣніе абсолютнаго авторитета,—совсѣмъ напротивъ, всѣ абсолютные авторитеты предписываютъ ему покорность господствующимъ; и не потому, что онъ не послушался категорическаго императива долга, который требуетъ повиновенія безъ всякихъ мотивовъ. Причина ясна: штрейкбрехеръ подрываетъ силу коллектива, вредитъ ему, внося въ него дезорганизацію. Жизненный смыслъ принципа ясенъ, потому что отношенія между людьми въ новомъ коллективѣ просты и прозрачны.

Въ организаціяхъ пролетаріата вырабатываются и примѣняются опредѣленные уставы, правила которыхъ могутъ казаться подобными „правовымъ нормамъ“. Если правила эти бываютъ демократичны, даютъ членамъ организацій равныя „права“, то для коллективиста причина не въ томъ, что такого равенства требуетъ „абсолютная справедливость“, что неравенство было бы нарушеніемъ свыше установленнаго или же „естественнаго“ права участниковъ. Дѣло сводится просто къ тому, что организація пролетарскаго происхожденія и состава не можетъ успѣшно функционировать при иныхъ условіяхъ, что иныя нормы мѣшали бы развитію сплоченности, а значитъ и силы организаціи, потому что противорѣчили бы тенденціямъ и отношеніямъ всего коллектива, часть котораго она составляетъ. И здѣсь нѣтъ иной мотивировки и санкціи, кромѣ потребностей коллектива.

Обычная пролетарская форма обращенія—титულъ „товарищъ“—можетъ показаться однородной съ буржуазными и феодальными „нормами приличія“. Однако, ея обязательность заключается во-все не въ томъ, что „такъ принято“, и что всякое иное обращеніе между членами пролетарскихъ организацій было бы „непри-

личнымъ“. Слово „товарищъ“ выражаетъ ту же солидарность, которая во всѣхъ областяхъ классовой жизни служитъ принципомъ, нормирующимъ отношенія между рабочими, культурно-организуемымъ пролетаріатъ. Для коллективиста здѣсь оно, очевидно, служить демонстраціей и въ то же время закрѣпленіемъ классового единства, противопоставленіемъ коллектива всей остальной социальной средѣ,—не пустой традиціонною формою вѣжливости, а однимъ изъ организующихъ моментовъ, хотя и второстепеннымъ. Если положимъ, кто-нибудь, въ раздраженіи отъ личныхъ обидъ, отказывается примѣнять обычное обращеніе къ другому члену коллектива, то это вызываетъ протестъ вовсе не изъ-за того, что первый ведетъ себя „неприлично“, „нарушаетъ законы вѣжливости“, и т. под., а изъ за того, что онъ вредитъ интересамъ коллектива, ослабляя въ немъ самомъ довѣріе къ его единенію, а во враждебныхъ ему классахъ — страхъ передъ этимъ единеніемъ.

Съ тѣхъ поръ какъ исторія знаетъ нормы нравственности, права, обычая и т. под., ихъ постоянной и жизненно-необходимой чертою былъ ихъ фетишистически-императивный характеръ, —немотивированная принудительность. Ихъ объективные мотивы, ихъ социальный генезисъ были скрыты подъ этой принудительностью. Какъ видимъ, совершенно иного типа тѣ нормы, которыя вырабатываются классовой жизнью пролетаріата. Это — нормы цѣлесообразности для коллектива. Ихъ мотивы и генезисъ непосредственно и открыто въ нихъ даны: интересы организованной системы, ея практика. Вотъ почему мы и считаемъ, что къ такимъ нормамъ неправильно примѣнять прежніе термины—мораль, право и т. под., — такъ же неправильно, какъ напр., научно социалистическому міровоззрѣнію присваивать названіе религіи. Авторитарность была конститутивнымъ элементомъ всѣхъ исторически извѣстныхъ донинѣ религій; гдѣ ея нѣтъ, тамъ употребленіе слова „религія“ придаетъ только невѣрный оттѣнокъ понятіямъ объ изучаемыхъ явленіяхъ. Столь же невѣрный оттѣнокъ придается понятіямъ тогда, когда говорятъ о пролетарской „нравственности“, пролетарскомъ „правѣ“ и пр. Принципиально-новыя культурныя формы требуютъ для себя новыхъ понятій.

XXX.

Своей явной мотивированностью новыя соціальныя нормы выполнѣ соответвуютъ обычнымъ техническимъ. Послѣднія также всегда условны, и исходятъ изъ опредѣленной цѣли: если требуется осуществить то-то (получить такой-то продуктъ или сдѣлать такое-то орудіе и т. п.), то надо дѣйствовать вотъ какимъ образомъ... Въ социальной нормѣ это „если“ замѣщено потребностью коллектива — постоянной цѣлью социальной практики. Очевидно, передъ нами тутъ, въ самомъ дѣлѣ, просто техническая норма поведения людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Старый міръ нормъ, какъ мы сказали, необыкновенно богатъ: въ обществѣ, построенномъ на противорѣчіяхъ и конфликтахъ, для каждаго ряда сколько-нибудь серьезныхъ случаевъ столкновения интересовъ нужна особая норма, чтобы ихъ урегулировать и организовать въ предѣлахъ необходимаго. При категорической формѣ, неразрывно связанной съ фетишизмомъ, всякій обычай, моральное правило, законъ, необходимо статичны, не допускаютъ свободныхъ варіацій въ примѣненіи, лишены гибкости и пластичности. Когда измѣнившіяся условія не позволяютъ стереотипнаго приложенія старой нормы, то въ силу ея безусловности выходомъ можетъ быть только либо голое нарушеніе нормы — „преступленіе“, — либо созданіе новой, ея отмѣняющей. То и другое сопряжено со значительной растратой общественныхъ силъ — въ первомъ случаѣ потому, что получается рѣзкое противорѣчіе въ социальной системѣ, во-второмъ, потому что новой нормѣ надо еще пробивать себѣ дорогу сквозь сопротивленіе консервативной идеологической среды. Не даромъ высказывалась много разъ идея, что новый законъ самъ по себѣ есть „преступленіе“ по отношенію къ старымъ.

Не таковы нормы, порождаемыя пролетарскимъ культурнымъ развитіемъ, въ которыхъ соціальная цѣлесообразность — ихъ основа — не затемнена и не скована никакимъ фетишизмомъ. Ихъ условность, ихъ прямая и явная зависимость отъ интересовъ коллектива исключаетъ всякое окостенѣніе; онѣ по самому существу своему пластичны. Каждая изъ нихъ соответвуетъ опредѣленной потребности и опредѣленнымъ условіямъ; если измѣняются эти послѣднія, измѣняется въ такихъ же рамкахъ примѣненіе

нормы; нѣтъ необходимости въ созданіи новой на ея мѣсто, но также нѣтъ и „преступленія“.

Допустимъ, что по уставу извѣстной пролетарской организаціи членами ея признаются лица, дѣлающіе, между прочимъ, ежемѣсячные взносы опредѣленной величины. Наступаетъ жестокая безработица, многіе изъ членовъ начинаютъ вносить въ кассу меньше, чѣмъ полагается, а нѣкоторые совсѣмъ перестаютъ. Если бы дѣло шло объ юридической нормѣ, выводъ получался бы автоматически: не платящіе не подходятъ подъ опредѣленіе членовъ организаціи. Такъ, при цензовомъ избирательномъ правѣ, обусловленномъ уплатою извѣстной суммы налоговъ, тотъ, кто опустился ниже этой суммы, тѣмъ самымъ уже лишенъ избирательнаго права, безъ разговора и безъ аппеляціи. Но въ рабочей организаціи такая механическая, а точнѣе — фетишистическая точка зрѣнія невозможна. Даже не прибѣгая къ пересмотру устава, организація можетъ сохранить своихъ временно обѣдѣвшихъ членовъ, — потому что ихъ удаленіе подрывало бы ея силу въ будущемъ; и ея секретаріатъ, сохраняя связь съ неплательщиками, не будетъ считать, что онъ совершаетъ „преступленіе“; ибо уставъ для коллектива, а отнюдь не наоборотъ. То же относится къ примѣненію сложившихся нормъ товарищеской солидарности, и т. п.: всюду „законъ“ принимается не абстрактно и безусловно, а какъ живое обобщеніе конкретныхъ интересовъ коллектива, къ которымъ онъ и долженъ, слѣдовательно, приспособляться на практикѣ.

Надо замѣтить, что и въ тѣхъ буржуазныхъ организаціяхъ, которыя построены на свободныхъ, демократическихъ началахъ, наблюдается та же тенденція. Это и понятно, потому что она связана непосредственно не съ тѣмъ или инымъ классомъ, а съ опредѣленной — товарищеской — формой сотрудничества. Всюду, гдѣ послѣдняя выступаетъ, обнаруживается ослабленіе фетишизма нормъ, и переходъ къ нормамъ цѣлесообразности. Но въ то время какъ въ жизни прочихъ классовъ товарищеское сотрудничество играетъ лишь сравнительно ничтожную, случайную роль, исчезая передъ другими, основными для нихъ формами отношеній, для пролетаріата это главный типъ трудовой связи, въ своемъ развитіи поглощающій всѣ остальные. Вотъ почему коренное пре-

образование царства нормъ, разрушеніе ихъ фетишизма и консерватизма есть культурная задача пролетаріата, а не иного класса.

По мѣрѣ достиженія этой задачи, само собой будетъ уменьшаться и количество жизненно-необходимыхъ нормъ. Въ настоящее время ихъ такъ много, что, напр., изученіе права образуетъ особую, труднѣйшую и сложнѣйшую специальность; и въ то время, какъ „никто не можетъ отговариваться незнаніемъ законовъ“, ихъ знаютъ въ дѣйствительности сколько-нибудь достаточно единицы изъ тысячъ: образецъ логики нынѣшняго строя. Въ предѣлахъ этого строя пролетаріатъ не можетъ существенно измѣнить такого положенія; но въ своей собственной средѣ, гдѣ зародилась и растетъ новая соціальная система, онъ вырабатываетъ культуру, свободную отъ загроможденія безчисленными нормами, болѣе общими и болѣе частными.

Предѣлъ, къ которому тяготеетъ развитіе нормативнаго міра въ новой культурѣ, есть полное устраненіе нормъ чистаго характера, сведеніе всей этой области идеологіи къ яснымъ организационнымъ принципамъ взаимныхъ человѣческихъ отношеній. Но только за предѣлами нынѣшняго строя, въ обществѣ коллективистическомъ осуществится такая ступень культуры: сознательный членъ великаго коллектива, воспитанный въ его сотрудничествѣ, на его наукѣ и искусствѣ, съ яснымъ и гибкимъ мышленіемъ, сумѣетъ во всякой конкретной комбинаціи съ другими людьми разумно примѣнить по отношенію къ нимъ тотъ всеобщій соціально-культурный принципъ, который успѣетъ тогда стать органически-руководящею силою въ душѣ каждаго человѣка.

XXXI.

Мы окинули общимъ взглядомъ всѣ области культурнаго творчества, и видѣли, что вездѣ предстоитъ гигантская работа, вездѣ нужна радикальная перестройка.

Каждая великая фаза культуры характеризуется своимъ особымъ принципомъ. Этотъ принципъ совпадаетъ съ тѣмъ или инымъ типомъ трудовой организаціи. Онъ проникаетъ собою практическое бытіе людей и порожаемое имъ мышленіе.

